

Т. КОРНЕВ

ЦЕНТРОТ
ТОМ 1

Павел Николаевич Корнев
Цейтнот. Том 1
Серия «Резонанс», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Двадцатый год жизни, второй курс института. Учёба, работа, развитие сверхспособностей и – никакой личной жизни. Слишком много обязательств, слишком мало свободного времени. Но ты не в претензии, ведь именно сейчас, выламываясь за пределы изначальной инициации, ты закладываешь фундамент будущей карьеры. И пусть пока что тебя во многом направляют, будто проходную пешку, не за горами тот день, когда сам начнёшь определять свою судьбу. Если только прежде не сгинешь в уличных беспорядках и не увязнешь в трясине политических интриг, если успеешь стать практиком до того, как привычный уклад жизни вдребезги разлетится под натиском глобальных перемен. А те уже на подходе!

Содержание

Часть первая: Итерация	4
Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	81
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Павел Корнев

Цейтнот. Том 1

Часть первая: Итерация

Глава 1

Чем хороши смены в резервной команде Бюро оперативного реагирования РИИФС, так это кучей свободного времени. Со всеми незначительными инцидентами в рабочем порядке разбираются дежурные патрули, а ты просто сидишь и ждёшь срочного вызова на действительно серьёзное происшествие. Это не по жилым кварталам или студгородку колесить, вынося предупреждения нарушителям общественного порядка, останавливая для проверки документов подозрительные личности и разнимая редкие потасовки. Тут всех дел – занять себя чем-нибудь, дабы не полезть на стену от скуки.

Можно спать и медитировать, штудировать конспекты лекций и готовиться к семинарам, читать свежую прессу и слушать радио. В крайнем случае – играть в карты, а если вдруг никто не составит компанию, просто раскладывать пасьянс. Собственно, всем этим я и мои подчинённые прямо

сейчас и занимались.

Срочные вызовы? За полгода работы в Бюро случались исключительно учебные тревоги. Но если что – мы тут как тут.

Наверное.

Я зевнул и едва не вывернул челюсть, тогда оторвался от учебника экономической теории и помассировал кончиками пальцев виски. После мотнул головой, не без труда подавил очередной зевок и оглядел караулку.

Матвей Пахота тихонько сопел на диванчике. Ничего необычного, всё как всегда. Для громилы дежурство в резервной группе являлось единственной возможностью нормально выспаться – дома с двухмесячной лялькой сделать это было не так-то и просто.

Невысокий, худощавый и жилистый Митя Жёлудь – обычно подвижный, будто капля ртути, – уже которую смену вёл себя тише воды ниже травы; сейчас он сидел на подоконнике и сосредоточенно раскладывал пасьянс.

Илья Полушка и Сергей Клевец читали «Пролетарский листок». Тут все свои, вот и демонстрируют запрещённую прессу без опаски вылететь с курсов младшего начальствующего состава.

Смуглые и черноволосые близняшки Фая и Рая сидели у радиоприёмника, который тихонько наигрывал фокс-марш «В цирке начинается жизнь», и то посматривали на приятелей-пролетариев, то выразительно переглядывались между

собой.

Уголки губ погружённого в медитацию Льва Ригеля всякий раз в такие моменты слегка приподнимались – не иначе обладавшие способностями к ментальному общению барышни мысленно костерили своих бывших кавалеров. Тот факт, что молодые люди завели себе новых подружек, равнодушными сестёр не оставил.

Ещё здесь не было Максима Бондаря, но он подчинялся мне лишь номинально. Отсутствовал и наш непосредственный начальник Александр Малыш.

В январе ему присвоили звание кандидат-лейтенанта, я же пока так и оставался старшиной. Он – руководитель команды, я – его заместитель. Что тоже весьма и весьма неплохо, поскольку в отличие от других групп у нас рядовых и ефрейторов не было вовсе, сплошь кандидаты и сержанты, все с курсов младшего начальствующего состава. Команду именно по этому принципу и сформировали: комендатура ОНКОР поделилась с институтом перспективными молодыми кадрами, дабы те набирались опыта и хоть как-то отрабатывали своё содержание.

Я потянулся и хрустнул костяшками, оправил униформу с четырьмя лычками на левом рукаве и символикой РИИФС на клапане нагрудного кармана. Больше – ничего, никаких наград. Мог бы нацепить, просто не посчитал нужным, как не стал делать этого и Матвей. А вот Фая и Рая щеголяли лентами сразу нескольких медалей, в том числе и республи-

канской «За оборону Белого Камня».

Мне таковой не пожаловали, но, если разобраться, то и не должны были. Отчасти печалило лишь то обстоятельство, что наградные документы по другим делам так где-то в высоких кабинетах и затерялись. Впрочем – плевать. Медаль «За боевые заслуги» дали, в старшины произвели, содержат, учат, развивают – что ещё нужно?

Славы и всенародного признания? Нет. Пожалуй, всё же нет.

Я поправил оттягивавшую пояс кобуру и глянул на учебник, но зубрить экономические термины и законы не хотелось, вот и заколебался.

Митя Жёлудь эту мою нерешительность неведомым образом уловил и предложил:

– В «очко»?

Мы если и не приятельствовали последнее время, то давным-давно закопали топор войны, и всё же я покачал головой.

– Не хочется.

Пустое! Митя утомился молчать и прицепился будто репей. Он спрыгнул с подоконника и устроился напротив.

– А слышал, что Барчук учудил?

Бил пройдоха наверняка, мне ничего не оставалось, кроме как вздохнуть:

– И что же?

Нет – мог, конечно, разыграть безразличие, но Митю было

в любом случае не заткнуть, да и не купился бы он на этот немудрёный блеф. Чего уж греха таить, заинтересовал таким своим заходом он меня не на шутку.

– В столицу перевод оформил! – выпалил Жёлудь.

Я озадаченно хмыкнул.

– Серьёзно?

– Ага, – подтвердил Илья. – Вахтёром устроился.

– Не вахтёром, а сотрудником ВОХР, – поправил приятеля Сергей. – И не рядовым бойцом, а начальником смены. Или караула, точно не знаю. Короче, на сержантскую должность ушёл.

– А-а-а! – понимающе протянул я. – За Машкой рванул. Вот же неймётся!

– Не факт. Барчуку без Дыбы в комендатуре ничего не светило, – резонно заметил Сергей Клевец. – Ну а жалование начальника смены в разы выше довольствия нашего младшего сержанта. Столица опять же. Перспективы!

Но я этот аргумент в расчёт не принял.

– Да из-за Машки он перевёлся. Точно вам говорю!

Получив назначение в столичное отделение Республиканского идеологического комиссариата, Василь Короста сумел-таки перетащить за собой подружку, вот Барчук и засуетился. Ума не приложу, чего он так к этой недалёкой девице прикипел. Наверное, я просто в отношении неё предвзят. Признаю – грешен.

– Да что вы раскудахтались! – взорвался Митя Жёлудь,

который, пока мы обменивались репликами, всё порывался что-то добавить, но не мог вставить ни слова. – Барчук же не один перевёлся! Он ещё Антона и Михея сблатовал! С ним работать будут! Точнее – под ним.

А вот это известие стало для приятелей-пролетариев сюрпризом, они озадаченно переглянулись.

– Ну и вредитель! – возмутился Илья.

– Эти два барана тоже хороши! – выдал Сергей. – За длинным рублём погнались! Поразительная несознательность! В наше-то судьбоносное для страны время!

– Инфантилизм и преступная аполитичность! – поддержал его товарищ.

Тут уж не выдержали близняшки.

– Посмотри на них: хуже кумушек-сплетниц! – во всеуслышание заявила Фая.

Приятели-пролетарии выпад в свой адрес привычно проигнорировали, а вот Митя возможности затеять свару не упустил.

– Можно подумать, сами подружкам косточки не перемываєте! – попытался спровоцировать он сестричек на конфликт, но в этом не преуспел и вновь повернулся к «псам». – А вы чего на парней взъелись? Чем вам вахтёры не угодили? Нешто не пролетарии и не своим трудом живут? Да, между прочим, если бы наши вахтёры своё дело знали, старичка-профессора на нож бы и не поддели!

Убийство заведующего одной из второстепенных кафедр

РИИФС наделало много шума, но тот случай мы давно уже обсудили во всех подробностях, и я щёлкнул пальцами, вновь привлекая внимание Мити.

– Да погоди ты, балабол! Антон-то чего уехать решил? У него же с Маринкой шуры-муры!

– Ага, – кивнул Клевец. – Они ж не разлей вода!

– Делов-то, господи! – фыркнула Рая. – Поматросил и бросил! Будто что-то необычное!

Илья и Сергей затравленно переглянулись, но в дискуссию с близняшками вступать не стали, промолчали. А вот заваривший эту кашу Митя Жёлудь с довольной улыбкой откинулся на спинку стула и заявил:

– Да какой – не разлей вода? Устаревшая информация! Как Маринка в институт поступила в октябре, так у них и пошёл разлад. Чай, студентика себе какого-нибудь присмотрела. Так, Петя? Общаешься с ней? Маринка ведь тоже на военной кафедре?

Я озадаченно покачал головой.

– Не замечал ничего такого. Думал, у неё с Антоном всё серьёзно.

И тут я душой несколько не покривил. При встречах с Мариной Дичок на еженедельных заседаниях актива военной кафедры никогда и мысли не возникало, что у неё нелады на личном фронте. Попытки ухаживания со стороны молодых людей она воспринимала без всякого энтузиазма, но о какой-то замкнутости при этом и речи не шло. Наоборот –

Маринка сразу обзавелась кучей знакомств и в последнее время без её активного участия не обходилось решительно ни одно мероприятие. Да и карьера папеньки, насколько мне было известно, вновь пошла в гору. С недавних пор Василий Архипович в чине майора возглавлял службу сверхэнергетической защиты вновь созданного Особого зарубежного корпуса, который базировался в Джунгарии, ныне – союзной нам Джунгарской народной республике.

Диверсия на источнике-девять и последовавшее за той наступление республиканских сил вынудили нихонских империалистов пойти на серьёзные уступки, и я по праву гордился своим участием в столь судьбоносных для страны событиях. Взрыв экспериментального заряда не только до предела осложнил дальнейшее использование аномалии, но и вызвал кратковременную энергетическую судорогу, а уже та в свою очередь заставила вражеских операторов упустить контроль над удерживаемыми в активном состоянии конструкциями. Тогда-то наши и перешли в наступление.

И пусть широкая общественность о моей роли в прорыве линии фронта не знает и не узнает ещё лет пятьдесят, обделённым я себя отнюдь не полагал. Не в наградах дело. Со всем не в них. Всё верно тогда Городец сказал: эта акция была в кровных интересах республики. А исполнители... Исполнители остались в тени, но отнюдь не внакладе.

– Они уже уехали? – спросил я. – Барчук с приятелями, в смысле.

– Вчера ещё, – вновь продемонстрировал Митя свою осведомлённость. – Им на экспресс литеры выдали.

– Ну и чудненько, – усмехнулся я совершенно искренне.

Всякий раз, когда случайно встречался с Барчуком в учебном центре ОНКОР, так и чесались руки свернуть поганцу шею. Иногда столь лютая злоба накатывала, что самому бо-язно становилось, ну а теперь пусть Василь ходит да оглядывается. Ничего, он большой мальчик, всё прекрасно понимал, когда к Машке клинья подбивал.

«Но телеграмму ему послать определённо стоит», – подумал я, и тут запахнулась дверь, в комнату вошёл Максим Бондарь – светловолосый, среднего роста и спортивный, донельзя элегантный в своём пошитом на заказ костюме.

– Привет физикам! – с порога объявил он. – А вас, дамы, с первым днём весны! Извините, что без цветов.

Близняшки заулыбались, а Митя отсалютовал пятернёй и в тон ответил:

– Привет химикам!

Уж не знаю, какой острослов нарёк оперативников Бюро химиками – то ли аббревиатура БОР свою роль сыграла, то ли намекалось на склонность оперов «химичить» с доказательствами, но словечко пошло в народ. Ну а сотрудников управления физической защиты сам бог велел физиками именовать, тут всё ясно и понятно.

– Вы вот сидите и понятия не имеете, какие дела в столице творятся! – изрёк Макс, воздев к потолку руку со свёрнутой

в трубочку газетой. – Не читаете свежую прессу и напрасно!

Сергей Клевец с демонстративным видом расправил «Пролетарский листок» и отгородился им от Бондаря. Илья Полушка презрительно фыркнул:

– Всё мы читаем! В курсе новостей, не сомневайся!

Макс откровенно расстроился и кинул газету на стол.

– А чего не обсуждаете?

– Давно уже всё обсудили, – заявил в ответ Илья.

– Да как – давно? – удивился парень. – Номер только из печати! Бумага ещё остыть не успела!

Митя Жёлудь немедленно сцапал пахший типографской краской выпуск «Столичных известий», а Сергей Клевец презрительно бросил:

– Буржуазным борзописцам никогда не сравняться в оперативности со свободной прессой!

– Чего-о-о? – протянул Макс. – Это подпольный-то листок, который вы через третьи руки получаете, оперативный источник информации?

Приятели-пролетарии разом напряглись.

– А какие у тебя политические убеждения, а? – спросил Сергей. – Вот мы принципиальные...

– Кто бы о принципиальности говорил! – немедленно влезла в разговор Рая. – Фая, ты слышала? У этих кобелей, оказывается, принципы имеются!

– Врут и не краснеют! – отметила её сестрица.

Но нет – покраснели. По причине возмущения, полагаю.

Достали их близняшки, как пить дать достали. За живое зацепили.

Я приготовился вмешаться, но тут присвистнул Митя.

– Ну ничего себе! Вот это новости!

– Жёлудь, ты с дуба рухнул? – немедленно окрысился Сергей Клевец. – Ты же с нами был, когда мы отказ в реструктуризации республиканского долга обсуждали!

– Да отстань ты со своими долгами! – отмахнулся Митя. – Пишут, патриарх воцерковленным под угрозой отлучения инициацию запретил!

– Чего?! – опешил я, выдернул газету и глянул на заголовок передовицы.

Но да – всё так и есть. Запретил.

Да это же просто вредительство какое-то!

Ой, что сейчас начнётся...

– Я же говорил! – подбоченился Максим Бондарь. – А вы...

– Да что ты говорил?! – рявкнул я, поднимаясь из-за стола. – Повышенная готовность! Лев, подрывайся! Матвей, не спи!

Номер только-только в продажу поступил, но такая новость со скоростью лесного пожара по студгородку разнесётся. А ещё ведь радио есть! Сейчас начнётся, если уже не началось...

– Всё потом! Вооружайтесь! – распорядился я, обрывая расспросы. – Полная экипировка!

– Да какая муха тебя укусила?! – удивился Лев. – Ну запретил и запретил, что с того?

Он то ли от медитативного транса вот так сразу не отошёл, то ли за последние два года успел позабыть, сколь сильно влияние церкви на общество, а вот я не сомневался, что новость прокатится по Новинску самым настоящим цунами. Операторы такого не стерпят, наверняка горячие головы глупостей натворят. Без провокаций точно не обойдётся.

– У нас уличные беспорядки на носу, – буркнул я. – Живей собирайтесь!

Горький опыт прошлогоднего нападения на институт был учтён, и на вооружении команды немедленного реагирования помимо шоковых дубинок и пистолетов состояли два автомата, снайперский карабин, несколько ППС и даже ручной пулемёт, а средства защиты не ограничивались касками и ростовым щитом, каждому полагался ещё и противогаз. Ну и выдвигаться на место происшествия нам полагалось не своим ходом, а на легковом вездеходе и мотоцикле с коляской. И пусть к разгону уличных выступлений Бюро точно не привлекут, под шумок могут проявиться местные саботажники, засланные диверсанты и прочий асоциальный элемент. Требовалось быть готовым к самым серьёзным инцидентам.

Я закинул за спину ранец с противогазом и продел руки в его лямки, распахнул дверцу оружейного шкафа, вытянул из крепления ППС, достал подсумок со снаряжёнными ма-

газинами.

– А смысл? – страдальчески протянул Лев. – Всё спокойно, диспетчеру никаких особых указаний по усилению режима не поступало!

Я лишь позавидовал его способностям к ментальному общению и подтянул к себе телефонный аппарат, но только снял трубку, как распахнулась входная дверь.

– Отставить! – коротко скомандовал Александр Малыш и сразу поправился: – Пахота, ты собирайся. Дуй к служебным воротам! Туда сейчас штурмовой взвод подъедет.

– Есть! – коротко ответил Матвей, схватил неподъёмный на вид ростовой щит и выскочил с ним в коридор.

– Теперь что касается вас... – оглядел кандидат-лейтенант оставшихся. – Работать будете в штатском. Инструктаж через пять минут. Бегом марш переодеваться!

И вот к нему уже с расспросами никто приставать не решился, даже прикомандированный к нам из аналитического дивизиона Лев. Мы вернули табельное оружие в шкафы, избавились от снаряжения и побежали в раздевалку.

– Накаркал! – укорил меня Митя Жёлудь.

– Иди ты! – коротко ругнулся я, расстёгивая форменную тужурку.

Лев вытянул из шкафчика пошитые на заказ брюки, с нескрываемым сомнением оглядел стрелки и страдальчески вздохнул:

– Ещё я только в костюме хулиганов не ловил!

Илья Полушка презрительно фыркнул, он точно не отдавал себе отчёт, сколько денег ушло у Льва на материал и работу портного, а вот я имел некоторое представление об этом да к тому же прекрасно помнил, как сам изгваздал в крови новенький костюм, поэтому поспешил успокоить бывшего одноклассника, заявив:

– Тебя как аналитика задействуют. В сторонке постоишь.

Приятели-пролетарии при моих словах переглянулись, и Сергей спросил:

– А нам порчу личной одежды возместят деньгами, если что?

– Ага, – расплылся в улыбке Митя Жёлудь. – А потом догонят и ещё раз возместят!

– Ой, да заткнись ты!

– И вообще, откуда такие буржуазные замашки?

– Заткнись, сказал!

– Сам заткнись!

Я поспешил вмешаться и хлопнул в ладоши.

– Всё, ходу!

Клевец что-то неразборчиво проворчал, но с кулаками на Митю бросаться не стал и первым двинулся на выход.

Мы вернулись в дежурку и обнаружили там только Бондаря и близняшек, успевших поменять униформу на тёплые шерстяные платья, отороченные мехом жакеты и одинаковые шляпки. Наше появление сестричек определённо не порадовало, а вот Максим улыбался барышням как-то очень уж на-

тужно.

– Малыш где? – спросил я его.

Тот указал на дверь.

– Сейчас подойдёт.

Долго ждать не пришлось, почти сразу в коридоре слышались быстрые шаги и в дежурку вошёл Александр Малыш – невысокий, крепко сложенный и широкоплечий, со сбитыми костяшками кулаков.

– О новостях уже наслышаны? – с порога уточнил он.

– Так точно! – подтвердил я за всех.

– Там, – указал он куда-то себе за спину, – тоже. У студентов здравомыслия мало, а гонору и энергии много, их даже провоцировать не придётся, своей охотой бузить начнут. Наша задача предотвратить беспорядки, заблаговременно выявив и нейтрализовав зачинщиков.

Приятели-пролетарии переглянулись, и Сергей указал на оружейный шкафчик.

– Даже без дубинок?

Макс Бондарь не удержался от презрительной ухмылки.

– Сказано же тебе: выявлять зачинщиков будем! Или ты войну со студентами начать собираешься?

– Именно! – кивнул Малыш. – Задержанием правонарушителей займутся подразделения комендатуры, вы будете работать в толпе вплоть до начала разгона манифестации. – Он побренчал чем-то, затем разжал кулак. – Разбирайте!

На его ладони лежали институтские значки, как те, что

украшали лацканы моего пиджака и пиджака Льва. Если разобраться, лучшей маскировки и не придумать вовсе, сразу видно – свои.

– Церковь Ильи Пророка уже оцеплена, но на площади перед ней и в сквере у главного корпуса собираются студенты.

– Это не единственная церковь в городе, – отметил я.

– Остальные не наша головная боль! – отмахнулся Малыш. – Большинство церквей в западных районах города, это зона ответственности полицейского управления, там ситуация не столь критичная. Главное сейчас уговорить студентов. Посему будете выявлять... – Он начал загибать пальцы. – Провокаторов, буйных и неадекватных – всех тех, кто может завести толпу. Обращайте особенное внимание на операторов с заведомым превышением ограничения потенциала. Пётр и Лев, вас это касается в первую очередь.

Я кивнул, но без всякого энтузиазма. Если Лев обладал чувствительностью, достаточной для точной оценки удерживаемого другим оператором потенциала, то мне приходилось полагаться на оценочные суждения с весьма и весьма серьёзной степенью погрешности. Впрочем, уловить существенное превышение установленного с начала этого года лимита в сто килоджоулей было по силам даже мне.

Справлюсь!

– Информацию обо всех правонарушителях передавайте Ригелю, – указал Александр Малыш на Льва. – Сами действуйте по обстоятельствам, но в происходящее вмешивай-

тесь только в самых исключительных случаях. И главное – не обостряйте ситуацию! – Руководитель смерил всех пристальным взглядом, после чего продолжил инструктаж: – В случае задержания сопротивления бойцам комендатуры не оказывайте, слово для опознания: «лимон». Работать будете двумя группами. Макс, бери себе Клевца, Полушку и Фаю. Пётр, с тобой будут Жёлудь и Рая. Лев, остаёшься при мне. Выходим через служебные ворота, на проходных сейчас столпотворение.

Но вот так сразу никто никуда не пошёл, ещё добрых двадцать минут Малыш растолковывал нам, кому из манифестантов следует уделить первоочередное внимание. Лишь когда задребезжал телефонный аппарат и кандидат-лейтенант обменялся с кем-то парой ничего не значащих фраз, последовала команда выдвигаться.

Мы покинули дежурку и обнаружили, что хоть студенты и пребывают в состоянии крайней ажитации, пока что всё ограничивается оживлёнными дискуссиями и спорами, да ещё повсеместно мелькают красные нарукавные повязки дружинников. На территории студгородка ситуация определённо оставалась под контролем администрации, опасения внушали только длиннющие очереди, выстроившиеся к проходным.

В отстойнике у служебных ворот готовились к выступлению бойцы штурмового взвода, ещё там обнаружилось несколько броневиков, вездеходов и мотоциклов ОНКОР.

Владимир Ельня заметил Малыша, подошёл и предупредил:

– Саша, у вас не больше получаса!

– Понял! – отозвался Александр и поторопил нас: – Быстрее!

Ближайший перекрёсток уже контролировали бойцы комендатуры, но со стороны сквера доносился глухой гомон многолюдной толпы, а ещё там необычайно низко, едва ли не на уровне шпиля центрального корпуса завис дирижабль.

– Встречаемся у центрального входа! – предупредил Малыш, указав на выстроившиеся у крыльца кареты скорой помощи и кучковавшихся поблизости сотрудников управления физической защиты. – Не разделяйтесь, держитесь друг друга! Вперёд!

Вперёд? Я передёрнул плечами, прогоняя забравшийся под пиджак холодок, но сразу опомнился и снял кепку, сунул её Льву.

– Подержи.

– Давай.

Стылый мартовский ветерок вновь заставил поёжиться, но я уже переборол неуверенность и с показной беспечностью зашагал к скверу. На деле же мне было откровенно не по себе. Искажения энергетического фона накатывали колючими волнами помех – множество собравшихся в одном месте операторов, взбудораженных и злых, порождали пугающую аномалию, приближаться к которой нисколько не хотелось.

Я и без того в стокилометровой зоне активного излучения Эпицентра чувствовал себя не лучшим образом, а тут и вовсе не в своей тарелке очутился. Но деваться было некуда, поэтому до предела усилил заземление и попытался полностью отгородиться от внешнего фона, сотворив дополнительный силовой контур. Просто так, на всякий случай. Лишним точно не будет.

– От меня ни на шаг, – предупредил я сослуживцев. – Митя, ты замыкающим. И обращайтесь внимание на людей без студенческих значков.

– Почему именно на них? – удивилась Рая.

– Тут студенты бузят, – пояснил ей Митя Жёлудь. – Чужаки с большей вероятностью провокаторами оказаться могут.

Я мотнул головой и решительно двинулся к скверу, где среди деревьев, на тропинках и у фонтана толпились взбудораженные студенты. Они лишь оживлённо переговаривались меж собой, наблюдая за митингом со стороны, тут никто не выкрикивал ни лозунгов, ни речовок, и мы поспешили дальше, где обходя компании молодых людей и барышень по газонам, где проталкиваясь через них.

Доносившийся с площади гул голосов понемногу начал складываться в слаженное скандирование:

– Попы, пошли вон! Попы, пошли вон! Попы – вон!

По боковым улицам к трамвайному кольцу так и продолжали подходить горожане. Стянутые к институту комендантские патрули перехватывали некоторых из них, проверяли

документы, о чём-то расспрашивали. Преимущественно никого не задерживали и пропускали дальше, лишь изредка препровождали отдельных персонажей к отогнанным в соседние дворы фургонам. На крышах домов мелькали фигуры людей, всюду стрекотали кинокамеры и щёлкали фотоаппараты. Журналистов, если это были журналисты, никто не трогал.

– Да вроде порядок, – отметил Митя.

Порядок? Вот уж не сказал бы!

Подходы к церкви перекрыли грузовиками, зато на площади с трамвайным кольцом митингующих скопилось столько, сколько тут не собиралось на моей памяти никогда. И это ведь не простые обыватели, это – операторы! Все или почти все!

Пусть даже никто из них не может похвастаться боевым опытом, если начнётся заварушка, мало нам точно не покажется. Не расстреливать же их! Ценнейшие ведь кадры! Да и урон репутации института получится страшнейший.

Вот чего команду выдвигаться не давали, чего ждали? С какой стати прилегающие улицы до сих пор не перекрыли? Или это не сделано намеренно? Но смысл?

И, к слову, как так вышло, что по радио о столь значимом для всех жителей Новинска событии и словом не обмолвились? А если по каким-то волнам информация уже прошла, почему её до нас оперативно не довели? Просто не посчитали нужным. Странно это, странно и подозрительно. Не иначе

какая-то контригра затеяна, и мы в ней пешки.

Потряхивать меня начало ещё на выходе из сквера, а потом и вовсе тошно сделалось. Единый вроде бы вал помех по мере приближения к разгорячённой толпе всё сильнее и сильнее разваливался на отдельные волны и колебания, те накатывали невпопад, пробивались через заземление, отвлекали и сбивали с толку. Операторов-недоучек, взбудораженных и агрессивных, на площади набралось превеликое множество, создаваемые ими энергетические аномалии накладывались друг на друга, искажались, умножались и расслаивались. Воздух покуда ещё не искрился от разлитой в пространстве сверхсилы, но тут и там между собравшимися уже проскальзывали искры статического напряжения.

С другой стороны, это и неплохо даже, наверное: в подобной атмосфере и просто находиться неприятно, а создать энергетическую структуру или тем паче полноценную конструкцию если только у одного на сотню получится. Тут даже высшее образование успеха не гарантирует, только опыт практической работы в полевых условиях. А откуда бы ему у студентов взяться? Уж на что я в технике заземления поднаторел, и то сейчас полностью нивелировать внешнее воздействие не в состоянии!

Кожу драло колючим холодком, внутри неприятно сосало, щипало глаза. Всех собравшихся на площади операторов объединяла гармония Эпицентра, а я выламывался из неё и существовал с митингующими не в такт. Пришлось актив-

ней задействовать адаптивную технику, на лету изменять частоты и колебания, подгонять их под себя, раз за разом ловить неуловимые искажения всеобщего ритма.

– Ты чего? Идём! – поторопил меня Митя.

Я поднял руку, миг ещё постоял так и двинулся дальше, понемногу успокаиваясь и готовясь начать действовать. Ситуация складывалась крайне неоднозначная. Нормально оперировать сверхсилой в текущих условиях было чрезвычайно сложно, и вместе с тем какой-нибудь взбудораженный недоумок запросто мог врезать по стражам порядка элементарным воздействием, куда менее требовательным к стабильности энергетического фона.

«Да они тут поубивают друг друга, если что-то пойдёт не так!» – мелькнула пугающая мыслишка, но я заставил себя выкинуть дурные предчувствия из головы. Пора было приступать к работе.

Влиться в толпу митингующих получилось без всякого труда. Столпотворение начиналось лишь ближе к центру площади, по её краям студенты стояли поодиночке и небольшими группами. Я начал пробираться между ними, Рая двинулась следом, Митя на полшага отстал, страхуя барышню.

– Попы – вон!

Помехи сбивали с толку, заземление приходилось удерживать усиленным до предела, и очень скоро я оставил попытки ощутить близость операторов с заведомым превышением установленного лимита внутреннего потенциала, вме-

сто этого начал оценивать поведение собравшихся, ориентируясь на излишнюю агрессивность и всё то, что не соответствовало стихийному характеру собрания. Вычленял из среды случайных людей запевал, начинавших голосить, стоило только умолкнуть очередной речовке; заводил, разогревавших толпу и задававших ритм слаженными хлопками; кликуш, требовавших прорываться через оцепление к церкви. А ещё – крепких ребят, которые оттирали студентов, не позволяя им напирать на активистов.

Группа здесь, команда там. Вроде бы сами по себе. Или нет?

Или есть координаторы?

Не вижу.

Замечая подозрительное поведение, я всякий раз условными знаками давал знать Рае, информацию о ком следует передать Льву; та страдальчески морщилась, но со своими обязанностями пока что справлялась. Изредка мне удавалось уловить очень уж значительные потенциалы оказавшихся поблизости операторов, тогда сообщал барышне и о них.

Да, это была капля в море, но работали мы на площади не одни: время от времени на глаза попадались знакомые из Бюро оперативного реагирования и службы охраны РИИФС, раз пересеклись с оперативниками комендатуры, которые, такое впечатление, целенаправленно выискивали в этом бедламе кого-то конкретного. Мы двигались по часовой стрелке, понемногу забирая к центру митинга, где разо-

гревали толпу сразу несколько ораторов, и если поначалу протискивались между манифестантами без особого труда, то чем дальше, тем плотнее те стояли друг к другу, вскоре пришлось начать всерьёз работать локтями. Меня перемещать в толпе учили, да и Митя не отставал, но ещё приходилось тащить за собой Раю, и возник реальный риск потеряться в толчее.

Тычки, толчки, кто-то наступил на ногу, кто-то в прыжке двинул локтем в голову. И уже просто беспрестанный рёв разгорячённой толпы:

– Вон!!!

Ораторов прикрывали сдерживающие напор манифестантов активисты, а я получил ощутимый тычок под рёбра, выругался и был вынужден отказаться от намеренья забраться в самый центр столпотворения, начал сдавать назад. И правильно сделал: крики и вопли митингующих достигли своего апогея, а потом вдруг басовито хлопнуло, над площадью разнёсся низкий гул, что-то засвистело на самой грани слышимости, кто-то даже зажал ладонями уши.

– Расходитесь! – громогласно объявили с небес, враз перекрыв все речовки, лозунги и призывы.

Рая вцепилась в моё плечо мёртвой хваткой, а у некоторых и вовсе ноги подкосились. Многие завертели по сторонам головами, не веря собственным ушам.

– Расходитесь! Обнулите потенциал и немедленно покиньте площадь!

Манифестанты в недоумении уставились на зависший над площадью дирижабль, но вещали определённо не оттуда.

– Оставшиеся на площади будут привлечены к административной ответственности и лишены стипендии! Сопротивление сотрудникам комендатуры повлечёт отчисление из института и досрочное распределение или отправку на принудительные работы! Расходитесь!

И студенты действительно стали расходиться. Разумеется, прорняло далеко не всех, и не так уж и много людей поспешили покинуть центр площади, зато по периметру толпа начала стремительно редеть. Ну да – одно дело дать выход праведному гневу и протестовать за всё хорошее против всего плохого, и совсем другое – совершать осознанное правонарушение с риском вылететь из института и загреметь в вахтёры, армию или даже на лесоповал, а то и вовсе лишиться сверхспособностей.

Активисты – те самые запевалы, заводилы и кликуши, – мигом изменили тактику и принялись удерживать и стыдить покидавших площадь студентов. Одного такого я будто невзначай отёр плечом, а Митя коротко пробил ему по почке, парень враз позабыл о своей гражданской позиции и со стоном опустился на корточки.

Раздались призывы идти громить церковь, но разобрать их мешал заметно усилившийся свист, а ещё толпу начали выдавливать с площади. Наступление бойцов комендатуры или сотрудников Бюро оперативного реагирования запросто

могло сподвигнуть горячие головы на ответную агрессию – просто в силу крепко-накрепко укоренившегося в студенческой среде представления о превосходстве над простыми людьми, но именно что простых людей в оцеплении сейчас и не было, одни только операторы. И давили они не щитами, а сверхсилой.

И тут же – будто гвоздь в голову, очередное требование, теперь уже откровенно громогласное:

– Расходитесь!

Митя придержал меня, потряс головой и крикнул в ухо:

– Валим?!

– Да!

Я не разобрал суть направленного на толпу воздействия, но отток с площади случайных людей резко усилился, теперь уже очень многие студенты сообразили, что шутки кончились и спешили уйти, дабы не угодить в число неблагонадёжных. Многие – но далеко не все.

– Держим строй! – заголосили где-то неподалёку. – Не расходимся! Работаем! Поехали!

Резко колыхнулся энергетический фон, ворох помех перекрыл все прежние искажения, и я развернулся, начал пробираться против движения спешивших покинуть площадь студентов, уже без всякого стеснения распихивая их и расталкивая. Рая и Митя двинулись следом.

– Расходитесь!

Ударивший звуковой волной призыв едва не заставил опу-

ститься на корточки, но мы всё же прорвались к группе молодых людей, которые, встав в круг и отгородившись силовым куполом, образовали небольшой островок спокойствия. Дополнительно их опекали с полдюжины активистов, но крепкие на вид юнцы прикрывали операторов от разбегавшихся с площади студентов, а нам удалось зайти к ним с тылу.

Я сразу заметил плечистого блондина, показавшегося старше всех в компании, тот уже вошёл в резонанс, в то время как остальные ещё только выгадывали момент для погружения в транс.

– Пакуем и валим! – распорядился я. – Меня не ждите, я прикрою!

Купол силовой завесы предназначался исключительно для гашения энергетических искажений и помех, так что сверхспособности задействовать не пришлось, вместо этого на очередном громогласном требовании разойтись я шагнул через едва различимую пелену и будто бы случайно налетел на блондина, несильно пихнув его при этом ладонью в спину. Меня сразу оттолкнул в сторону подскочивший активист, но за краткий миг контакта я успел поделиться с оператором собственной гармонией с иной частотой, нежели генерировал Эпицентр. Молодого человека вышибло из резонанса и согнуло в три погибели, удержать в себе ему не удалось ни потенциала, ни содержимого желудка.

– Человеку плохо! – завопил Митя и ухватил ошеломлён-

ного манифестанта под руку, попутно незаметно для окружающих взяв того на болевое удержание.

– Врача!

Рая пристроилась к блондину с другого боку, но вот так запросто утащить жертву у них не вышло. Отпихнувший меня активист ринулся наперерез, я поставил ему подножку и уронил, а после ещё и наступил, чтоб уподобиться профессиональному регбисту и в рывке перехватить кинувшегося за моими сослуживцами крепыша. Кинетический импульс придал дополнительное ускорение, тычок плечом отшвырнул парня в сторону, меня же не хуже щитков прикрыла задействованная в момент столкновения техника закрытой руки. Следом я пнул по щиколотке активиста со значком среднего специального энергетического училища, пытавшегося поднять уроненного мной товарища, и в голове мелькнуло:

«Чем больше хаоса, тем лучше!»

И тотчас где-то совсем неподалёку грохнул взрыв!

Следом захлопали пистолетные выстрелы, и студенты бросились врассыпную. В меня немедленно врезался, едва не сбив с ног, неведь откуда выскочивший юнец, я вслепую отмахнулся от него и каким-то чудом умудрился восстановить равновесие, но вновь покачулся из-за столкновения с очередным раззявой. И тут же кто-то накинудся сзади, с визгом повис на спине, полосонул по лицу выкрашенными чёрным лаком ногтями.

Зараза!

Я среагировал на автомате, но только перехватил девичье запястье и подался вперёд, намереваясь перекинуть через себя пронзительно визжавшую истеричку, как неведомая сила сдёрнула ту с моих плеч. Оглянулся и глазам своим не поверил: отчаянно дрыгая ногами, девица поднималась прямоком к зависшему над площадью дирижаблю. И не она одна – целенаправленными воздействиями воздухоплаватели выдёргивали из толпы заранее намеченные оперативниками цели.

Кто-то сумел задействовать сверхспособности и высвободился из захвата, рухнул вниз, а следом к земле, оставляя за собой длинные белые полосы, понеслись дымовые шашки. Вдыхать их содержимое категорически не хотелось, выставленным плечом я встретил налетевшего с разбегу студента и рванул вдогонку за Митей и Раей. На глаза попался один из примеченных ранее активистов, но нас сразу разнесло в разные стороны; в руке у меня остался оторванный ворот.

Выстрелы смолкли, а вот энергетические помехи так и продолжали рвать пространство, манифестанты разбегались, толкались и сбивали друг друга с ног, ладно хоть ещё случайные люди успели разойтись, и на момент взрыва на площади оставалось не больше двух – трёх сотен человек. Толпа стремительно рассеивалась, всюду растекались клубы белёсого дыма, от которого саднило горло, текли сопля и щипало глаза, тут и там мелькали фигуры бойцов в про-

тивногазах и укрытые оптическими иллюзиями силуэты оперативников.

Последних я скорее ощущал, нежели видел, да уже ни на что особо внимания не обращал, пробираясь к оцеплению. Сбоку выскочил ошалелый студент, пришлось выставить руку и погасить его кинетическую энергию. Сработал излишне жёстко, зубы у бедолаги так и клацнули.

Плевать! Сам виноват!

Глаза пекло всё сильнее, градом катились слёзы, лёгкие рвал резкий кашель, и когда меня перехватили бойцы комендатуры, я едва сумел выдавить из себя:

– Лимон!

И да – во рту было кисло, знакомо кисло. Пусть и не успел толком надышаться распылённого над площадью газа, уже ощущал симптомы скорой утраты сверхспособностей.

– Номер?

Я на миг растерялся, потом сообразил, что речь о табельном номере, назвал его, и меня ухватили под руку и потянули в сторону от основной массы вытесняемого с площади люда.

– Сюда! – И тычок в спину направил к скверу. – Иди!

И я пошёл. Изредка с площади доносились хлопки выстрелов, но уже началась фильтрация манифестантов с разделением оных на агнцев и козлиц, пакованием последних и вкалыванием им известного препарата; никому больше не было до меня никакого дела. Свежий воздух понемногу прочистил голову, да и кашель почти сразу сошёл на нет, вот

я и вспомнил о месте встречи, двинулся к главному корпусу, точнее – к припаркованным рядом с ним каретам скорой помощи.

Все наши уже собрались там: близняшки приводили в порядок одежду, а Митя размахивал руками и в красках живописал свои подвиги приятелям-пролетариям. Я хоть за подчинённых и не волновался особо, но тут окончательно от сердца отлегло. Разве что спросил:

– Макс где?

Клевец неопределённо махнул рукой.

– Работает.

Санитар сунул мне какой-то стаканчик, и я, не задавая лишних вопросов, парой глотков влил в себя его непонятное содержимое. То оказалось начисто лишено какого-либо вкуса, но целебный эффект не заставил долго ждать: сразу и дышать легче стало и слабость отпустила.

Прибежал до невозможности воодушевлённый Максим Бондарь, заметил меня и обрадовался пуще прежнего.

– О, Петя, ты здесь уже? Тогда, давай, сам командуй!

– Погоди...

– Не расходитесь, ещё опознание будет! – отмахнулся Макс и умчался прочь, не снизойдя до объяснений.

Я сплюнул под ноги зеленоватую слюну и уселся на лавочку, заставив потесниться оживлённо обсуждавших разгон манифестации приятелей-пролетариев. Ещё минут через пять подошёл Лев, вручил мне кепку и сразу скрылся на про-

ходной. Судя по полопавшимся в глазах сосудам, пришлось ему несладко.

Ну а мы остались на улице, и я нисколько не сомневался, что не доберусь до квартиры раньше полуночи. Пока опознание проведут, пока показания снимут, потом ещё отчитываться за свои действия придётся...

Я за цепочку вытянул карманные часы, отщёлкнул крышку и обнаружил, что уже без четверти семь. Нет, определённо за полночь освободимся только.

– Митя! – окликнул я подчинённого. – Вы оператора довели?

– Ага! – расплылся Жёлудь в щербатой улыбке. – В лучшем виде доставили!

Вот и замечательно. Точно ведь непростого персонажа упаковали.

Совсем-совсем непростого.

Глава 2

Как предполагал, так и вышло: домой получилось вернуться только во втором часу ночи. Поднялся по скрипучей лестнице на этаж, с сомнением поглядел на дверь общей ванной комнаты и отказался от её посещения, отпер своим ключом квартиру и сразу завалился спать.

Утром разбудил Миша Попович, он постучался ко мне в комнату и крикнул:

– Петя, вставай! Завтракать пора!

Я зевнул, не без труда переборол желание перевалиться на другой бок и закрыть глаза, начал одеваться.

Пусть голова и трещала, будто с похмелья, а всего так и ломало, но завтрак – это святое.

Милена перебралась к Мише ещё прошлой осенью, именно она взяла на себя ведение хозяйства и покупку продуктов, да и готовила весьма недурственно. Экономия по сравнению с утренним перекусом в кафе выходила изрядная.

– Доброе утро! – поприветствовал я соседей, заходя на кухню под шкворчание яиц на сковородке.

Нигилист что-то пробурчал в ответ с набитым ртом, а стоявшая у плиты в домашнем халатике Милена оглянулась и улыбнулась.

– Ну наконец-то подружку завёл!

– Чего это? – озадачился я, не вполне ещё отойдя от сна.

Барышня указала себе на висок, я вышел в коридор, глянул в зеркало и при виде трёх оставленных девичьими ногтями царапин даже ругнулся в сердцах:

– Вот сука!

– Свидание не задалось? – рассмеялась Милена.

– Работали вчера на площади, – пояснил я.

– И как? – поинтересовался Миша.

– Было весело, – неопределённо ответил я и прикоснулся пальцами к чайнику.

Тот оказался горячим, так что я просто налил в кружку заварки, добавил кипятка и распахнул раму, чтобы достать из закреплённого на улице за окном ящика завёрнутый в обёрточную бумагу кусок сливочного масла.

Распросов не последовало, поэтому дальше поинтересовался уже я:

– Что в институте по поводу вчерашнего говорят?

Милена передала мне тарелку с яичницей и сказала:

– Об акции анархистов болтают. Но вчера ещё никто ничего толком не знал.

– Говорят, задержанных на митинге наказывать не станут, дадут совету студенческого самоуправления разобраться, – прибавил Миша, потом криво усмехнулся. – Ещё хотят объявить бойкот всем, кто в церковь ходит.

Я презрительно фыркнул. Мало того, что проследить за выполнением бойкота было попросту нереально, так ещё посещали богослужения преимущественно слушатели Об-

щества изучения сверхэнергии, а те держались друг друга и на посторонних плевать хотели с высокой колокольни. Хотели и плевали.

– Этим советом студенческого самоуправления все уши прожужжали, – поморщился я, сооружая себе бутерброд. – Выборы уже в печёнках сидят. Нашли новую игрушку.

– И правильно сделали, – не согласилась со мной Милена. – Людям нужно дать возможность проявить социальную активность!

– Ага-ага, а нам драки потом разнимать.

– Не ворчи!

– Не буду.

Завершил я завтрак бутербродом со сливовым джемом, потом поглядел на часы и сказал:

– Меня не ждите, на первую пару сегодня не пойду.

Своей очереди в ванную комнату пришлось дожидаться десять минут, пока тёрся в коридоре, привычно пофлиртовал с соседками, затем почистил зубы и принял контрастный душ, но особого облегчения тот вопреки обыкновению не принёс. Всё же дело было не в физической усталости – нет, подобным образом сказывалось пребывание в зоне слишком уж интенсивных помех. Ритм этот ещё дурацкий... Будто молоточки в голове стучат – тук-тук-тук...

Достало!

В ожидании, когда Миша отправится на учёбу, а Милена

на работу, я выпил ещё одну кружку крепкого чёрного чая, потом запер за ними и ушёл в свою комнату, где угловой столик занимали лабораторный стабилизатор напряжения, короб электрического проигрывателя грампластинок и подключенный к нему радиоприёмник.

Щелчком тумблера я подал напряжение и откинул крышку проигрывателя, на котором уже лежала пластинка, окаймлённая чередующимися прямоугольниками белых и чёрных меток. Загорелся красный свет, начал раскручиваться диск, метки побежали поначалу, но потом на освещённом специальной лампочкой краю грампластинки их движение замедлилось, а только скорость стабилизировалась, и в полной мере проявился эффект стробоскопа.

Игла опустилась на диск и динамик радиоприёмника наполнил комнату тихим шуршанием, метки чуть поплыли, пришлось подкручивать регулятор, добиваясь эталонной скорости в семьдесят восемь оборотов в минуту.

И всё – встал стробоскоп!

Большая часть пластинки была пустой, я без спешки уселся на кровать, скрестил по-восточному ноги, постарался расслабиться и позабыть о головной боли. Как раз успел погрузиться в поверхностный транс, когда один за другим прозвучали три сигнальных щелчка.

Три! Два! Один! Поехали!

Шуршание исказилось, звук поплыл, динамик стал с некоей периодичностью потрескивать, будто игла раз за разом на-

езжала на перечертившую дорожки трещину. Но – нет, конечно же дело было совсем не в этом.

Давящая неправильность окружающей действительности отступила, я поймал верный темп и расслабился, сумел отделиться от довлевшего над всем и вся биения Эпицентра, вновь стал существовать в собственном ритме, в ритме источника-девять.

Увы и ах, Новинск находился в зоне активного излучения Эпицентра, и пусть я давно приспособился к нему, но инциденты, подобные вчерашнему, напрочь выбивали из колеи. Поначалу для восстановления внутреннего равновесия требовались многочасовые медитации, ну а теперь проблему решала трёхминутная запись, задававшая ритм источника-девять.

К тому моменту, когда плывущий гул вновь сменился обычным шуршанием иглы по пустой дорожке, головная боль сгинула без следа, а сам я ощутил прилив сил, будто после крепкого сна. Тогда обесточил аппаратуру, наскоро побрился и вновь оглядел в зеркало свою покарябанную физиономию. Увы, с поджившими царапинами ничего поделывать было нельзя, отправился одеваться.

Установленный за окном градусник показывал плюс семь, а небо было ясным, и свой кожаный плащ я надевать не стал, обулся, натянул кепку и поспешил в институт на медицинский факультет, где и занимался по субботам. За прогулянную первую пару как-нибудь оправдаюсь, но вот если ещё

и на вторую опоздаю, точно взгреют. Меня ж туда стараниями доцента Звоняря запихнули, а сам я стажёром в первой лаборатории числюсь, поэтому отношение особое – спуску не дадут.

Честно говоря, никакой тяги к медицинской практике я не испытывал, базовое образование в этой сфере понадобилось исключительно для преодоления кое-каких бюрократических препон, но и совсем уж бесполезными субботние занятия всё же не были. Скорее уж наоборот, поскольку изучал я травматологию и оказание первой помощи в полевых условиях с учётом последних достижений теории сверхэнергии.

В институт я в итоге пришёл минут за пять до перемены, поэтому успел заскочить на почту и отправить Василию телеграмму о переводе Барчука в столицу. Иначе точно замотаюсь и забуду – ближайшие три дня предполагались насыщенной некуда.

Первой парой сегодня стояла лекция о методах экстренного снятия энергетического шока у надорвавшихся или же пострадавших от вражеских воздействий операторов. Тема эта с учётом опыта прошлогодних событий полагалась более чем просто актуальной, посещение занятий сделали обязательным для всех студентов-медиков вне зависимости от года обучения, так что раздобыть конспект получилось без всякого труда. Потолкался среди барышень-первокурсниц, строил физиономию пожалостливей – в итоге ещё и выбрал тетрадь с самым разборчивым почерком. Наверное, мог бы

и о свидании условиться, но свободного времени в обозримом будущем у меня попросту не предвиделось. И на воскресенье что-то планировать – не вариант. Это нормальные люди по воскресеньям отдыхают, мне о роскоши ничегонеделания оставалось лишь мечтать.

Второй парой шла анатомия, третьей – основы травматологии, и вот уже на них я добросовестно скрипел карандашом по бумаге, а после короткого перекуса в буфете отправился на практические занятия. Обычно под руководством Рашида Рашидовича вправлял вывихи да помогал с несложными переломами, но это обычно, а не сегодня. Начать с того, что коридор оказался запружен студентами разной степени помятости, мой же наставник и его ассистент-интерн выглядели ничуть не краше пациентов.

– Свежая кровь! – провозгласил осунувшийся парень и с надеждой посмотрел на реабилитолога. – Я пойду, Рашид Рашидович?

– Проваливай! – отпустил его тот, помассировал виски и крикнул: – Следующий!

Следующим оказался студент из числа тех, кто самостоятельно передвигаться не мог, его с распухшей и посиневшей ступнёй доставили в кабинет на каталке. Я как раз успел переодеться и вымыть руки, когда реабилитолог закончил осмотр и принялся вписывать в амбулаторную карту диагноз, бормоча вполголоса что-то о раздробленных плюсневых костях, смещениях и отломках.

– Это, получается, со вчерашнего митинга все? – догадался я.

Рашид Рашидович кивнул.

– Оттуда. Ночь напролёт этими бестолочами занимался.

– Много пострадавших?

– Да уж немало, – проворчал реабилитолог. – К счастью, психическое здоровье малолетних имбецилов не по моему профилю, иначе впору было бы в петлю лезть.

Бледный как полотно студент разлепил припухшие веки и заявил:

– Мы просто вышли выразить свою гражданскую позицию! Зачем было вмешиваться? Ничего бы не случилось! Помитинговали бы и разошлись!

– Ты это тем скажи, из чьих потрохов я шрапнель полночи выковыривал! – разозлился Рашид Рашидович. – Гражданская позиция! Тьфу! Как писал один великий: поклоны в храме отбивая, неумный неофит рискует череп проломить!

Студент был не в том состоянии, чтобы состязаться в красноречии, да и некогда нам было впустую языком чесать.

– Линь, собери ему ступню. Если он при этом не будет выть и не потеряет сознания от боли, зачту тебе полевую анестезию.

Бедолага со сломанной ногой в испуге уставился на меня и потребовал:

– Да вы что – озверели, что ли! Вколите обезболивающее!

– Поговори мне тут ещё! – рыкнул я, оторвавшись от записей реабилитолога, и пригрозил: – Заорёшь, я тебе вторую ногу сломаю для пересдачи!

Но это так – это нервное. Я ведь самостоятельно столь сложных операций никогда прежде не проводил! Да ещё ступня отекала, с чего начать не представляю даже. Хотя чего тут рассусоливать-то? Начинать надо с начала, то бишь – анестезии. Общая не по моему профилю, а вот с местной проблем быть не должно.

Я положил правую руку на щиколотку пациента и попытался с помощью ясновидения уловить токи сверхсилы в организме оператора. Той в студенте оказались сушие крохи, но хватило и этого. Одновременно с диагностическим воздействием я изменил фокусировку восприятия и сосредоточился на эффекте слияния в единое целое энергии и материи, уловил отклик нервных волокон, заблокировал один отросток, затем другой, и парень как-то разом расслабился, обмяк и даже задышал ровнее.

– Что-нибудь чувствуешь? – спросил я, легонько постучав по лодыжке.

– Нет, – хрипло прозвучало в ответ.

– Ну и здорово!

Здорово? Если б так! Мне ведь придётся обезболивающее воздействие удерживать и одновременно осколки костей совмещать! Это не баран чихнул, это полноценная операция! Пусть при контакте с объектом воздействия я и был способен

дозировать энергию буквально сотыми долями сверхджоулей, а ясновидение сто очков вперёд даст снимкам, сделанным с помощью икс-лучей, но даже так работа предстоит ювелирная!

Я шумно выдохнул и принялся просвечивать ступню. Постепенно картинка в голове обрела достаточную чёткость, и мне удалось сначала определить положение всех осколков, а после прогнать в уме очерёдность действий – раз и другой, чтобы уже точно ничего не напутать. Затем я потянулся к сверхсиле и задействовал входящий поток, начал собирать кости, и – собрал!

Безотрывно следивший за моими манипуляциями Рашид Рашидович покривился для виду, но придирааться не стал, махнул рукой:

– Пойдёт!

Наложением гипсовой повязки занималась уже вызванная им медсестра. Я за её манипуляциями не следил, всё внимание занимали удержание анестезии и фиксация в правильном положении костей. Прежде чем закончили – взмок.

– Коль ветер в голове, ногам покоя нет! – философски заметил Рашид Рашидович, когда пациента выкатили в коридор, потом испустил тяжкий вздох и хлопнул в ладоши. – Следующая перемена блюд!

И пошло-поехало! Серьёзных травм у ожидавших своей очереди студентов больше не оказалось, некоторым и во все лишь диагностировали банальное сотрясение мозга, а по-

сле соответствующей записи в учётной книжке давали стандартный бланк рекомендаций и отправляли восвояси. Но пациенты всё шли и шли, и к моменту окончания практики я оказался выжат почище лимона. Ещё и Рашид Рашидович задержал на полчаса, освободиться получилось только в половине пятого.

Посидеть в библиотеке я уже точно не успевал, поэтому не стал суетиться и в столовой горбольницы заставил поднос тарелками, не забыв и о паре стаканов компота с коржиком. Уже расправился с солянкой и приступил к макаронам с поджаркой, когда напротив уселся знакомый аспирант.

– Физкульт-привет! – протянул мне руку Василий и начал переставлять на стол тарелки с собственного подноса. – Как жизнь молодая?

– Более-менее, – вздохнул я. – Сам как?

– Не поверишь, – хохотнул Вася, – но лучше всех!

Честно говоря, ответ несказанно удивил. Последнее время Василий ходил как в воду опущенный – он хоть и перевёлся с Кордона в Новинск, но полагал новое место недостаточно престижным. Если Леонид получил повышение и возглавил отдел диагностики соискателей, а Семён устроился ассистентом к Леопольду Медунцу, пробившему финансирование своего исследовательского проекта, то Васе вновь пришлось довольствоваться должностью лаборанта. Пусть даже и в первой лаборатории.

Как видно, посмотрел я в ответ на бравурное заявление

слишком уж выразительно, и Василий с улыбкой подтвердил:

– Точно-точно!

– Ты же говорил, у вас там скука смертная и одни мымыры работают, не на ком взгляд остановить? – напомнил я.

– Зато туда студенточек симпатичных на процедуры направляют, – привёл железный аргумент Василий, но только лишь этим не ограничился и продолжил: – А взять хотя бы Лёню! Я с ним вчера по телефону разговаривал. Вот стал он начальником и что? На работе днюет и ночует, диссертацию забросил, на танцы месяц не ходил. А Сёма?

– А что Сёма?

– Да у него уже нервный тик начался! Леопольд его вконец заездил. То не так, это не этак. Отчёты по пять раз переделывать приходится, а ещё Вдовец заявки на реактивы заворачивает. У нас перерасход в первом квартале вырисовывается, вот шеф и закручивает гайки.

– В курсе, – кивнул я.

Мы с Леопольдом частенько пересекались в студенческом кафе, и я был прекрасно осведомлён обо всех перипетиях его исследовательского проекта, который вёлся на базе первой лаборатории и потому во многом зависел от настроения её заведующего.

– Не-е-е, – покачал головой Василий и сально ухмыльнулся. – Пока Вдовца секретарша ублажала, это всё цветочки были. А тут и Любочка в отпуск ушла, и проект создания единого исследовательского центра при институте зарубили,

вот и полетели клочки по закоулочкам!

– Перебесится, – беспечно пожал я плечами и приступил ко второму.

Пока пил компот с коржиком, успели обсудить городское первенство по футболу, а потом я глянул на часы и засобирался.

– Всё, бежать пора. Бывай!

– На футбол завтра приходи!

– Да какой там! – вздохнул я. – Планов громадье!

И это было истинной правдой. Даже Альберт Павлович со своим поручением втереться в сообщество футбольных болельщиков отстал. Просто не смог устроить так, чтобы у меня в неделю восемь суток стало, вот и махнул рукой. Кого-то другого на это направление поставил.

После столовой я забежал в Бюро оперативного реагирования и просмотрел фотографии задержанных на вчерашнем митинге, нескольких человек даже узнал, но письменно оформлять показания пришлось только на одного из опознанных – по остальным уже была собрана достаточная доказательная база.

– С этими без тебя разберёмся, – отпустил меня Евгений Вихрь, возглавлявший оперативный отдел Бюро.

Я попрощался с ним, а уже на выходе наткнулся на кулившего рядом с крыльцом Максима Бондаря.

– Ты поспал? – глянул тот на меня красными глазами кролика-альбиноса – Везёт! Я только на куреве и кофе держусь.

– Давай! – усмехнулся я. – Отработывай повышенное довольствие!

– Иди ты! – ругнулся Макс.

– Пойду, – кивнул я. – Только скажи: всплыло что-нибудь интересное?

– А как же! – фыркнул Бондарь и выкинул окурок папиросы в урну. – Три ячейки анархистов вскрыли. Правда, в них всё больше слабосилки из училища состояли, студентам исключительно нарушение общественного порядка в вину ставили. Да, кстати! Тот оператор, которого Митя задержал, выпускником РИИФС оказался. Его контрразведка забрала. Им всех анархистов передали.

– Мы его задержали, – поправил я. – Совместными усилиями.

– Как скажешь, – ухмыльнулся Макс.

– А мне говорить ничего не нужно, это в протоколе задержания написано! – парировал я и отправился в лабораторный корпус.

Времени оставалось в запасе изрядно, поэтому шёл без всякой спешки, внимательно поглядывая по сторонам. Усиление режима на проходной я отметил ещё утром, куда чаще обычного встречались на территории и патрули студенческой дружины. Ну а сотрудники Бюро оперативного реагирования, напротив, глаза учащимся не мозолили – сегодня мои коллеги работали исключительно в штатском.

В целом ситуация оставалась в высшей степени нервоз-

ной, студенты горячо обсуждали вчерашний инцидент – одни требовали наказать виновных за разгон митинга, другие обвиняли в случившемся провокаторов, но преобладало всё же мнение о необходимости создания независимой комиссии с привлечением представителей совета студенческого самоуправления, выборы в который были назначены на это воскресенье. Накал страстей оказался предельно высок ещё и по причине апогея предвыборной кампании, и диспуты не переходили в рукопашные схватки лишь из-за угрозы снять с голосования кандидатов, чьи группы поддержки будут уличены в мордобое.

«Неплохой способ выпустить пар», – всё же отдал я должное решению ректората о создании студенческого совета, несколько не сомневаясь в том, что реальных полномочий, несмотря на все декларации, этот орган не получит и останется исключительно декоративным.

Впрочем – плевать. Меня это не касалось. Своих забот полон рот.

В раздевалке третьей лаборатории я заменил повседневную одежду на трико, майку и тапочки, в таком виде и спустился на пару ярусов ниже уровня земли. Будучи настроенным на источник-девять, в зоне активного излучения Эпицентра я ощущал постоянную неправильность энергетического фона и хоть давно адаптировался к чуть искажённой частоте сверхсилы, развитие способностей это обстоятельство несколько не облегчало и даже наоборот – до предела

усложняло. Приходилось заниматься на силовых установках в подвале со специальным экранированием, что панацеей, увы, не являлось, но работу с энергией определённым образом всё же упрощало.

С подготовкой аппаратуры справился без привлечения лаборантов. Первым делом обнулil все счётчики, затем установил в печатное устройство новую бобину с бумажной лентой, после чего обратился к сверхсиле. А только ощутил знакомое покалывание в кончиках пальцев и сразу запустил таймер.

Ну, поехали!

Задача была проще не придумаешь: требовалось тянуть сверхэнергию и запитывать электричеством силовую установку. Тянуть, генерировать, запитывать. Тянуть, генерировать, запитывать. И так – ровно час. Шестьдесят минут. Три тысячи шестьсот секунд. И ни секунды передышки!

Расслабишься, возьмёшь паузу, и всё – тренировка на смарку, прогресса не жди. А это недопустимо, моё продвижение и без того не слишком-то воодушевляло. Надо работать над собой, преодолевать себя. Никак нельзя давать слабину...

Работать над собой, преодолевать себя. Работать над собой, преодолевать себя. Не давать слабину...

Я вошёл в ритм и мало-помалу разогрелся, перестал задыхаться и занялся оптимизацией усилий по фильтрации помех. Втянуть и попутно очистить, сгенерировать электриче-

ство и запитать силовую установку.

Схема усложнилась, зато повысилась эффективность и стих гул в голове, но я так и продолжал удерживать мощность на среднем уровне вплоть до первого сигнала таймера. Только тогда приналёг изо всех сил, вышел на максимум способностей и не давал себе послаблений до следующего звонка, прозвучавшего лишь через невыносимо долгую минуту.

Уф!

После отрывистого дребезжания я немного расслабился и даже отвлёкся на миг, чтобы вытереть катившие по лбу капли пота, но работать со сверхсилой не прекратил, а когда через девять минут прозвучал очередной сигнал, вновь довёл мощность до своего нынешнего предела, вновь приналёг изо всех сил. И так – раз за разом.

По окончании тренировки я плюхнулся на лавочку и несколько минут размеренно дышал, дожидаясь пока отступит противная слабость и утихнет головокружение. Потом посмотрел на счётчики и решил, что с учётом очень уж короткого ночного отдыха поработал весьма достойно: все шесть подходов удавалось поднимать мощность до пиковых на текущий момент пятидесяти четырёх киловатт, а всего получилось сгенерировать сто шестнадцать мегаджоулей электроэнергии.

Неплохо? А то!

Пусть для достижения суперпозиции мне ещё трениро-

ваться и тренироваться, уже сейчас перекрываю предельные для девятого витка сорок четыре киловатта!

Расту над собой, развиваюсь!

Увы, в зоне активного излучения Эпицентра входить в резонанс мне запретили из опасения, что помехи собьют настройку на источник-девять, по той же причине нельзя было и удерживать внутренний потенциал, так что работой с силовой установкой моя тренировка и ограничилась. Собрал бумажную ленту, обнулil датчики, а дальше – душевая, раздевалка и переход в первую лабораторию, которая располагалась в этом же корпусе.

В приёмной заведующего я обнаружил, что поведанный Василием слух о причинах дурного настроения господина Вдовца имеет под собой реальное основание, поскольку вместо секретарши за столом с кипой бумаг, парой телефонных аппаратов и печатной машинкой сидела смутно знакомая лаборантка.

– Приветик! – улыбнулся я. – А где Любочка?

Вполне себе симпатичная барышня враз посуровела и смерила меня пристальным взглядом.

– Вы по какому вопросу?

– По рабочему. Для меня разрешение на отпуск спецпрепарата должно быть подготовлено, – пояснил я и представился: – Пётр Линь. – А потом, когда лаборантка принялась рыться в бумагах, подсказал: – Раньше их в сейфе хранили.

Барышня поднялась из-за стола, отперла сейф и чуть на-

клонилась, перебирая лежавшие там бумаги. Со спины она выглядела ничуть не хуже нежели спереди, и я решил, что у господина Вдовца губа не дура.

– А что же Люба? – уточнил из чистого любопытства. – В отпуске?

– Мама у неё заболела, уехать пришлось, – сообщила лаборантка и спросила: – Как, говорите, фамилия? Линь?

– Линь. Пётр Линь.

Приказа на отпуск спецпрепарата в сейфе не обнаружилось, и барышня на всякий случай перебрала бумаги на столе, после чего наскоро просмотрела содержимое ящиков и развела руками.

– Ничего нет.

– Очень надо, – заметил я. – У нас график.

Подменявшая секретаршу барышня страдальчески закатила глаза, но всё же сняла трубку телефона и позвонила заведующему.

– Филипп Гаврилович, тут Линь подошёл... Что? Да, передам. – И она указала трубкой на дверь. – Пройдите.

Я так и поступил, вроде как ничем даже не выказав своей растерянности. За те пять месяцев, что мне отпускался спецпрепарат, общаться с заведующим пришлось лишь в самый первый раз, когда тот утвердил выделение сметы. Точнее, не выделение даже, а перераспределение в нашу пользу части получаемых в централизованном порядке средств. Процедура носила чисто формальный характер и никаких

вопросов у него тогда не возникло, неоткуда было им взяться и сейчас. Или подобного рода документы он новой барышне попросту не доверяет?

– Здравствуйте, Филипп Гаврилович! – с порога произнёс я. – Мне бы приказ на отпуск спецпрепарата. Как обычно.

– Да-да, – нахмурился заведующий. – Об этом я и хотел поговорить... В условиях жесточайшего дефицита спецпрепарата и поручения оптимизировать расход выделяемых лаборатории средств я не готов взять на себя ответственность за передачу столь необходимых в приоритетных исследованиях ресурсов фактически неподотчётному мне проекту. Если я не могу гарантировать целевое использование препарата, то и брать на себя такую ответственность не стану.

Я немного растерялся даже, пытаюсь перевести прозвучавшую с бюрократического канцелярита на человеческий язык. Получалось, что мою квоту заведующий намерен отдать другим исследователям, вот только в этом не было ни малейшего смысла. Хотя и числюсь здесь стажёром, но я всё же не его подчинённый и тем более не мальчик с улицы, да и проект не возглавляю, а лишь выступаю ассистентом руководителя, по сути – тем же лаборантом. Руководит всем доцент Звонарь. И вот так вставлять ему палки в колёса?

Нет, тут что-то другое. Либо заведующий цепляется ко всем подряд из-за неудач на личном фронте, либо пыта-

ется меня спровоцировать. Но на что? На ссору, звонок доценту Звонарю, угрозы пожаловаться Лизавете Наумовне? Или рассчитывает, что я ещё и перед ним отчитываться стану? Так не стану.

– Отказ будет оформлен документально? – спросил я.

Ну а как иначе? Молча уйти и взять ответственность за срыв проекта на себя? Вот ещё! Потом выяснится, что мы просто друг друга не поняли или что-то напутала заменявшая секретаршу лаборантка, и на меня повесят всех собак. Оно мне надо? Ответ ясен и понятен: вовсе нет.

Филипп Гаврилович задумчиво поглядел в ответ и постукал карандашом по столу, затем сказал:

– Подожди в приёмной.

Я прикрыл за собой дверь, а в приёмной уселся на стул для посетителей и вытянул из кармашка часы. Время уже начинало поджимать, но пока что ещё не слишком сильно. Подожду. Доценту Звонарю позвоню лишь после того, как на руки выдадут письменный отказ. Но странно, очень странно...

Минут через пять задребезжал телефонный аппарат, лаборантка сняла трубку и сразу вернула её на место, а сама прошла в кабинет, надолго там не задержалась, тут же вернулась в приёмную и вручила мне приказ на отпуск спецпарата.

Подпись, печати, верная дозировка.

Ну и какого лешего это было?

Но вслух озвучивать этот вопрос я благоразумно не стал, улыбнулся барышне и спустился на первый этаж, где мне выделили крохотную клетушку без окон. Прежде её использовали как кладовку, ну а сейчас там разместились стол с лампой и два стула – для меня и посетителя. Точнее – пациента. Шкафов не было, все документы пересылались спецсвязью доценту Звонарю, а их временным хранилищем выступал прикрученный к полу сейф. Из оборудования имелся прибор для просмотра результатов работы на силовых установках, и всё.

Я намотал длиннющую бумажную ленту на левую бобину и закрепил её конец на правой, отличавшейся лишь наличием ручки. Затем отрегулировал положение увеличительного стекла, включил лампу и принялся изучать график своей выходной мощности, постепенно прокручивая ведущее колесо.

Если раньше эту работу выполнял кто-то из лаборантов, то теперь по соображениям секретности расшифровывать записи и делать пометки-примечания приходилось самостоятельно. Ничего сложного, только мороки много.

В целом и общем, результаты несколько не разочаровали. КПД генерации оказался близок к идеальному, общий выход достиг шестидесяти процентов от предельного уровня, имелась и положительная динамика. Пиковые выходы тоже порадовали; что немного расстроило, так это слишком глубокие провалы ближе к концу занятия. И стабильность тоже ухудшилась в последние пятнадцать минут, но не критично.

Только утилизировал ленту, и на приём подошёл Герасим Сутолока. Общей растрёпанности и творческой небрежности в одежде у него заметно поубавилось, причёска стала аккуратней, а лацкан пиджака теперь отмечала розетка солдатского креста, коим его наградили за руководство зенитной батареей. Герасим продолжал встречаться с Лией, но я давно перегорел и не видел смысла вставать в позу неудачливого соперника. Выпить пива мы так и не выбрались, но общаться – общались. Заявлять о его предосудительном поведении во время задания я не стал, в отчёт тот инцидент тоже не включил. Но то – в отчёт официальный, капитану Городцу сдал весь расклад, написал и докладную. А где она в дальнейшем всплывёт и всплывёт ли вообще – уже не моя головная боль.

Мы поздоровались, и я выложил перед собой опросный лист, начал заполнять его шапку, вписывая в соответствующие строки имя пациента и дату.

– Изменения в самочувствии за прошедшую неделю? – уточнил между делом.

– Никаких, – сказал Герасим, откинувшись на скрипучем стуле и закинув ногу на ногу.

– Сложности с оперированием сверхэнергией?

– Нет.

– Приступы головной боли, тошнота, слабость?

– Нет.

– Ломота в суставах, звон в ушах?

Выслушивая дежурное «нет», я проставлял крестики и продолжал задавать вопросы в полном соответствии с опросником. Формально мои обязанности ассистента руководителя проекта сводились к беседам с подопытными, к числу которых относился я и сам, ну а всё остальное если и отражалось в документации, то исключительно с грифами «секретно», а то и того вовсе «секретно совершенно».

– Эректильная дисфункция? – перешёл я к разделу, который неизменно приносил в нашу беседу некоторую толику оживления.

– Нет!

На сей раз ответ прозвучал резче обычного, но я это обстоятельство, равно как и все прошлые встречи, проигнорировал. И как всегда никаких отметок на листе делать не стал.

– Преждевременное...

– И не надоело тебе?! – взорвался Герасим. – Ладно раз пошутил, ну – два! Но сколько можно-то? Это невыносимо!

Попался!

Надо сказать, Герасим имел полное право не только разговаривать со мной в таком тоне, но и требовать объяснения, поскольку числился заместителем руководителя проекта, вот только оправдываться я и не подумал. Просто развернул опросный лист и передвинул его собеседнику. Тот непонимающе посмотрел на бланк, поднял на меня озадаченный взгляд и вновь углубился в изучение текста, после тягостно вздохнул.

– То есть это не шутка?

Я покачал головой безмерно довольный собой. Несколько месяцев выспрашивал подробности интимной жизни Герасима, откладывая при этом проставление отметок на потом, несколько месяцев капал ему на мозги и вот – добился своего, переполнил чашу терпения. Пустячок, а приятно.

– И ты на эти же вопросы отвечаешь? – уточнил Герасим.

В ответ я продемонстрировал стопку пустых бланков, отпечатанных под копирку.

– Вопросы одинаковы для всех.

Герасим не удержался от очередного тяжёлого вздоха и вслух прочитал варианты ответов на ставший последней соломинкой вопрос:

– «Часто», «обычно», «редко», «никогда»... – Он посмотрел на меня, поморщился и сказал: – Ставь «редко».

Я так и поступил, потом оказался вынужден спросить:

– Это по итогам этой недели? Раньше же всё нормально было?

– Надо исправить ответы на всех бланках.

Игра перестала быть игрой, пришлось доставать чистый лист и оформлять пояснение к текущему опросу. Немного пожалел даже, что всё это затеял. Хотя...

Достал ведь? Достал.

Следующим в клетушку заглянул Глеб Клич – долговязый молодой человек двадцати лет от роду с приметным рубцом

на левой щеке, белым и бугристым. Из всех прошедших инициацию в Джунго, которых удалось забрать с собой при побеге, он единственный обладал чувствительностью, почти достаточной для самостоятельного оперирования сверхэнергией. И пусть о входе в резонанс и речи не шло, курс медикаментозной терапии и специальных процедур, призванных заменить полноценную настройку на источник-девять, в его случае показывал весьма и весьма неплохие результаты. Об остальной троице спасённых военнопленных, увы, такого сказать было нельзя, ну да оно и понятно: мы выжили после заезда в энергетическую аномалию на вагонетке, а наших товарищей по несчастью загнали туда своим ходом.

– Как самочувствие? – поинтересовался я, пожав протянутую руку.

– Да как-то не очень, – неопределённо передёрнул Глеб плечами и облизнул губы. – Голоса... Или музыка даже скорее. Тюк-тюк-тюк. Тюк-тюк-тюк. И так круглые сутки.

Я вздохнул.

– Ничего нового получается?

Глеб жалобно протянул:

– Стучит же! Может, сегодня без меня? Может, переждать?

– А вот сейчас и посмотрим. – Я выложил перед собой новый бланк, быстренько прогнал подопечного по всем вопросам, потом вздохнул. – Да, брат! Ситуация! Надо тебя на обследование определять. Недельки на две. В Зимск.

У Глеба дёрнулся уголок глаза.

– Может, не надо? Я бы за воскресенье отлежался...

Тут уж я не выдержал и ухмыльнулся.

– Да как же ты отлежишься? Тебя ж поди новая подружка за воскресенье совсем заездит! А в госпитале отдохнёшь. Диета опять же, процедуры.

Глеб вздохнул, машинально потёр рубец и махнул рукой:

– Ладно, проехали. Не надо госпиталя.

– Очередная горячая штучка? – поинтересовался я, делая на бланке дополнительные пометки.

– Угу, – признал Глеб. – С этой учёбой на танцульки времени уже не остаётся, а без танцулек сразу в койку она ни в какую. С принципами, видишь ли! И хороша, зараза, сил нет!

Глеба с его пятью классами образования всерьёз взялись натаскивать в теоретическом плане, а ещё определили на курсы военной подготовки, так что со свободным временем у него дела обстояли лишь немногим лучше моего. Но вместо выражения сочувствия я спросил:

– Ритм в голове как звучит? Сильнее, тише?

– Да так же, наверное.

– Таблетки пьёшь?

– Обязательно.

– Всё, свободен.

Следующим зашёл Унтер. Крепкий кряжистый мужик с жёстким обветренным лицом и вислыми усами происходил из приграничного люда, служил в армии с пятнадцати лет

и поначалу рвался обратно в часть, но вербовщики особого дивизиона вцепились в опытного пластуна руками и ногами, сумели найти подход и убедили подписать контракт.

– Андрей Мартынович!

– Пётр Сергеевич!

Мы обменялись рукопожатием, и Унтер, он же Андрей Мартынович Чешибок, потянулся за листом.

– Разреши?

Я передал ему бланк, передвинул карандаш, и Унтер быстро поставил в нужных местах аккуратные галочки, после заявил:

– Жалоб нет, ничего не беспокоит. – Он огладил усы и добавил: – Разве что седина пропадать начала. Но это же хорошо, так?

– Да уж неплохо, – признал я, задал несколько уточняющих вопросов, сделал пометки на обратной стороне листа и пригласил заходить в кабинет следующего.

Алик Балаган, невысокий и чернявый живчик лет двадцати пяти, сразу взял быка за рога, прямо с порога заявив:

– Сегодня без меня! Голова раскалывается спасу нет! Худо мне! Худо!

Прежде он работал слесарем на ткацкой фабрике Белого Камня, в плен попал из ополчения, и нынешним житьём-бытьём в Новинске был целиком и полностью доволен, как по мне – даже слишком.

– Присаживайся, – попросил я Алика, от которого яв-

ственно пахивало перегаром, и уточнил: – Сильно голова болит?

– Раскалывается просто!

– А как иначе? Тебе нос три дня назад сломали и мозги серьёзно встряхнули. Вот и болит головушка.

Алик на миг замялся, потом закивал.

– Вот да! Сотрясение! Мне отдых нужен! Постельный режим!

– Только вот какое дело, – со вздохом продолжил я, – нос тебе сломали не на тренировке, как в объяснительной указано, а в кабаке. И по уму надо тебя, дорогой мой человек, переводить на казарменное положение.

Балаган судорожно сглотнул.

– Может, не стоит?

– Стоит, Алик. Стоит.

– Да чего из мухи слона раздувать, а? Подумаешь, голова болит! Потерплю как-нибудь!

– А вот это правильно. Молодец. Хвалю.

Алик Балаган с прищуром глянул на меня и спросил:

– Червонец не ссудишь? До полочки ежели?

– Пятёрку.

– Пятёрки мало! Хотя... – Он начал загибать пальцы. – Сегодня второе, третье тоже выпадает, а расчёт пятого. Нормально. Дотяну!

Я подтянул к себе лист писчей бумаги и потребовал:

– А теперь рассказывай, что вчера пил и в каких количе-

ствах. И как лечился сегодня. В подробностях рассказывай, а то вколю обычную дозу, а у тебя почки отвалятся!

Пристрастие Алика к горячительным напиткам становилось всё большей проблемой, и я решил переговорить на сей счёт со Звонарём, своему же пациенту наказал бросать пить зубровку и переходить хотя бы на ту же водку.

Последний из моих подопечных – высоченный и плечистый восемнадцатилетний увалень Иван Кол тоже не разочаровал и по примеру старших товарищей попытался сказать-ся больным, но в ходе блиц-опроса был выведен на чистую воду и под угрозой отправки на обследование к Рашиду Рашидовичу чистосердечно во всём признался.

– Собирайтесь! – объявил я, взглянув на часы. – Дежурная машина приедет через десять минут.

Сам же поспешил на склад, где и получил под роспись бумажные свёртки с заранее подобранными в нужной пропорции травами, две мензурки с желеобразным грибом и шесть ампул спецпрепарата. Травяной сбор я убрал в портфель, затем внимательнейшим образом оценил укупорку пробирок, после чего поместил их в проложенные ватой гнёзда стального пенала. Ампулы осмотрел ничуть не менее придирчиво, их устроил в выемках поменьше. И – раз-два! – зафиксировал крышку защёлками.

Четвёрка подопечных дожидалась меня на крыльце, Унтер, Глеб и Алик курили, Иван просто дышал свежим воздухом, переминаясь с ноги на ногу в компании старших

товарищей. Мы дошли до служебных ворот и погрузились в легковой восьмиместный вездеход комендатуры, где рядом с водителем уже расположился Герасим Сутолока. Поехали на аэродром ОНКОР. Тот за последнее время изрядно разросся и уже мало чем уступал основной воздушной гавани Новинска, а в плане охраны и оснащения средствами ПВО так и вовсе мог дать той сто очков вперёд.

В одном из ангаров нашей команде была выделена бендешка, там мы сменили гражданскую одежду на бельё с начёсом и зимние прыжковые комбинезоны белой маскировочной расцветки. Высокие ботинки, тёплые перчатки, вязаная шапочка, ранец с сухим пайком, бинокль, нож, пистолет, автомат, запасные магазины, холостые патроны, ракетница, короткие охотничьи лыжи, парашют. У остальных, даже у Герасима, примерно всё то же самое, разве что Иван Кол закинул за спину увесистый короб с носимой радиостанцией, Унтер получил в оружейке ручной пулемёт, а Глеба нагрузили боекомплект к РПД.

Я – налегке. Сейчас я тут главный. Мне ещё часть инъекций нужно заранее подготовить, всем отмерив индивидуальные дозы спецпрепарата, и ни в коем случае пустые ампулы не забыть в гнезда футляра вернуть. Учёт и контроль – это святое. Проявлю небрежность, тот же Вдовец меня с потрохами сожрёт и будет в своём праве.

Дождаться вылета не пришлось, всё прошло без отклонений от графика. И вот уже в салоне десантного аэропла-

на шутки и прибаутки как отрезало, первые пятнадцать минут полёта прошли в напряжённом молчании, только моторы и гудели. Герасим хитрым образом сцепил пальцы и погрузился в медитацию, Алик шмыгал припухшим носом, Иван ёжился, Глеб невидяще уставился в одну точку прямо перед собой. Мне тоже было не по себе, и только Унтер на зависть всем клевал носом. Именно он первым нарушил молчание, объявив после широкого зевка:

– Чую, начинает припекать.

– Кордон пролетаем, – предположил я, и почти сразу ожило переговорное устройство.

Пилот объявил:

– Подлётное время десять минут!

Я расстегнул ранец и принялся доставать из него алюминиевые тубы с заранее наполненными шприцами – каждая из них была помечена должным образом, путаницы не возникло.

– Поехали! – объявил я и никакого энтузиазма этим своим заявлением не вызвал.

Из всех доверил самостоятельно сделать себе инъекцию лишь Герасиму и Унтеру, остальным вколол спецпрепарат самолично. Затем засыпал травяной сбор в термосы с кипятком, раздал их подопечным, один оставил себе.

Всё, летим дальше.

Доза спецпрепарата была минимальной, основной объём инъекции приходился на банальный физраствор, и никако-

го немедленного эффекта после укола не последовало. Разве что жжение, которое постепенно усиливалось по мере полёта к Эпицентру, теперь стало приобретать характер пульсации.

Ещё минут через пять меня начало пропекать всерьёз, Унтер достал из кармана кожаную полоску шириной с поясной ремень, сложил её надвое и закусил, Глеб судорожно вцепился в подлокотники сидения, Алик неразборчиво ругался себе под нос, Иван – беззвучно шевеля губами, молился. Герасим медитировал.

На первых порах нас всех пристёгивали к креслам ремнями, но вылеты давно стали неприятной рутинной, от которой отдельные несознательные личности так и норовили увильнуть. Я бы тоже при иных обстоятельствах не преминул сказаться больным, но это ж мне самому нужно. У меня – приоритеты!

Нематериальный жар до предела усилился, возникло ощущение, будто стою у открытой топки, а то и вовсе заглядываю в жерло вулкана, ну а дальше я в это жерло сорвался и ухнул напрямиком в озеро расплавленной магмы.

Ух!

Опало всерьёз, прожарило до хрустящей корочки. В самый первый момент техника трансформации частот сверхэнергетического излучения смягчила неприятные ощущения, помог и самоконтроль, но удерживал я внутреннее равновесие лишь секунду или две. Потом – да, потом – прожа-

рило.

Герасим надсадно закашлялся, Глеб скорчился, зажав ладонями уши, Алик отключился, из глаз Ивана ручьём текли слёзы, меня самого вдавило в спинку кресла так, что ни рукой пошевелить, ни ногой. Такое впечатление – вновь при инициации на грузовике через первый румб первого витка несусь.

Унтер? Унтер как сидел, так и сидел, а что зубами не скрипел, так недаром кожаную полоску загодя закусил. Андрей Мартынович – предусмотрительный.

Аэроплан зацепил лишь самый краешек Эпицентра, мы продрались через перенасыщенное энергией пространство и полетели прочь, рвущая нервы пульсация пошла на убыль. Ненадолго – за первым подходом последовал второй, а после и третий, самый продолжительный из всех. Закалка тела и духа, чтоб ей пусто было...

Отпускать начало над Кордоном. Обнаружил себя сидящим в кресле, голова была пустая-пустая, в ушах звенело, и звон этот плыл и пульсировал в каком-то совсем уж противоестественном ритме, сильно мутило и тошнило. Дрожащими руками я выдернул пробку и приложился к термосу, сделал несколько глотков горячего травяного настоя. Остальные последовали моему примеру, только Глеб сначала заткнул клоком ваты левую ноздрю, из которой начала сочиться кровь.

Иван Кол напился, после запустил пальцы в слипшиеся от пота светло-русые волосы и вымученно улыбнулся.

– А и нормально! Легче, чем на той неделе!

Он говорил так всякий раз, что не мешало ему вновь и вновь пытаться увильнуть от полёта к Эпицентру.

– Ну да, ну да... – проворчал Алик и в сердцах добавил: – Тут не захочешь, пить начнёшь!

– Не захочешь – не начнёшь! – не согласился с ним Унтер. – Пьют горькую без просыху от беспросветности бытия, а тебе чего водку жрать? На войне не погиб, из плена сбежал, денег получаешь куда как больше, чем на фабрике платили. Живи да радуйся!

– А смысла в такой жизни не вижу, – прямо ответил Балаган. – Мы ж как крысы подопытные! – Он шмыгнул носом. – А у меня семья в деревне осталась... Жена-красавица, детишки... Я ж им всё до копеечки...

После прожарки в Эпицентре меня мутило, а настроение было ни к чёрту, вот и пообещал:

– Ничего-ничего! Перевезём мы твою семью в Новинск. Организуем воссоединение. Что ж ты раньше молчал?

– Так жилищных условий никаких!

– Обеспечим жильём, не сомневайся даже! Обеспечим!

Алик глянул в ответ как-то совсем уж затравленно, и я решил прямо в понедельник написать на этот счёт докладную Звонарю. Травки целебные покуда свою эффективность в борьбе с алкоголизмом не продемонстрировали, а вот жена

нашего пьянчугу мигом на путь истинный наставит.

Не желая и дальше продолжать этот разговор, я вытянул из ранца прихваченные с собой в полёт газеты и наскоро проглядел посвящённые вчерашним событиям передовицы.

«Новинское время» с неожиданной прямолинейностью обрушилось на полицейское управление, выступив за скорейшее расширение полномочий Республиканского идеологического комиссариата, а вот консервативные «Ведомости», напротив, требовали немедленной отставки главы РИК, а заодно министра науки и ректора РИИФС. Заголовок на первой странице этого рупора реакционной пропаганды гласил: «Кровавый разгон митинга!», на фотографии были запечатлены бойцы штурмового дивизиона в полной боевой выкладке и в противогазах. Тяготевшие к центристам «Столичные известия» делали акцент на студенческих беспорядках и намекали на скорые изменения в руководстве особой научной территории, и только «Февральский марш» со всей ответственностью заявлял, что свободному волеизъявлению студентов помешала акция анархистов, а никак не действия стражей порядка. Спектр мнений касательно нашумевшего решения патриарха оказался ещё даже более широк, но подробное изучение прессы пришлось отложить до вечера.

– Новинск пролетаем, – сказал вдруг глядевший в иллюминатор Глеб.

– Давайте собираться потихоньку, – распорядился я. – Тут всего ничего осталось.

И точно – почти сразу объявили десятиминутную готовность, а потом как-то разом сгинула подспудно давившая на меня неправильность бытия – это мы наконец-то покинули зону активного излучения Эпицентра. Пусть давно приоровился удерживать внутреннее равновесие, но сейчас, такое впечатление, даже дышать легче стало. И вот именно ожидание этого эффекта и помогало мириться с еженедельной прожаркой в энергетической аномалии.

Почти синхронно со мной с облегчением перевёл дух Герасим, а через минуту дошло и до Глеба. Остальные не отличались столь уж высокой чувствительностью, их и давить-то начинало только за пятидесятым километром, а в Новинске они ничего такого не замечали вовсе.

Из кабины выбрался штурман, протянул мне опечатанный пакет с приказом. Я вскрыл его и обнаружил, что от точки выброски нам придётся совершить пятикилометровый марш-бросок, дабы впоследствии выйти из оговорённой точки на связь и получить дальнейшие распоряжения.

– Оружие к осмотру! – распорядился я, убедился, что никто не получил автомат с досланным боевым патроном, заодно наскоро проглядел снаряжённые магазины. С ними тоже оказался полный порядок.

Тогда на пару с Унтером мы изучили карту, и тот согласился с моим решением двигаться от точки выброски напрямую по реке.

– Лёд ещё крепкий, снег не сошёл, – заметил Андрей Мар-

тынович. – И никто нас там караулить не станет.

Замигала лампочка, и я напомнил Герасиму:

– Сверхэнергией не оперируем! – А затем скомандовал: – Ваня, пошёл!

Деревенский увалень давно уже привык к прыжкам с парашютом, вот и сейчас спокойно опустил на лицо очки, распахнул боковую дверь и шагнул наружу. За ним последовал Унтер, потом пришёл черёд Герасима и Глеба, а дальше я, хоть сам и весил больше, подтолкнул к выходу Алика.

– Пошёл!

После недолгой задержки нырнул в морозную темень вслед за ним. Хватанул ртом студёного воздуха, расщеперился, стабилизируя падение, дёрнул кольцо. Хлопок раскрывшегося купола, рывок – и уже не падаю, уже снижаюсь.

Давно стемнело, да ещё летел лёгонький снежок, с ориентированием в пространстве возникли известного рода сложности, но я всё же не позволил боковому ветру снести себя в сторону. Остальные тоже не оплошали, и вскоре отряд в полном составе собрался на точке сброса. Мы закопали в сугробе под приметным деревом наши парашюты, нацепили лыжи и покатали под горку к протекавшей неподалёку реке.

По ней и отмахали пять вёрст до условного места, там выставили боевое охранение и сопевший будто паровоз Иван, которого Глеб натаскивал на запасного радиста, вышел на связь с учебным центром, принялся что-то писать

карандашом в блокноте. Вопреки обыкновению сегодня он ничего не напутал, и после расшифровки приказа оказалось, что нам надлежит проникнуть на территорию охраняемого объекта в десяти километрах отсюда, заложить там муляж взрывного устройства и отойти, не будучи обнаруженными караульными.

Река текла примерно в нужном нам направлении, но Унтер покачал головой:

– Слишком просто.

Я кивнул в знак согласия.

Куратор группы из особого дивизиона не был склонен облегчать курсантам жизнь, при подходе к цели с самого очевидного направления группа запросто могла угодить в засаду. Но и напрямик через бурелом пробираться не было ни желания, ни времени, так что мы выбрали компромиссный маршрут, решив продвигаться преимущественно по опушкам и через перелески, по нему и выдвинулись.

Меня всего так и распирало изнутри от желания втянуть в себя побольше сверхсилы, но район проведения учений контролировался операторами аналитического дивизиона, а этих умников целенаправленно натаскивали отслеживать нестабильность энергетического фона, укрыть от них свой не самый великий потенциал я ещё мог, а вот оперирование сверхсилой во время его набора – уже нет. По крайней мере, у меня такое не получалось ни разу. У Герасима, как ни удивительно, тоже. А если засветимся, о скрытном подходе

к цели нечего будет и мечтать.

Сейчас караульные тоже службу несут, но ждут они не конкретно нас и не вот прямо сегодня. Учебных объектов много, какие-то становились целями чаще, другие не трогали неделями, намеренно убаюкивая бдительность бойцов ОНКОР – точнее, проходивших там практику курсантов. Вот и не нужно им фору давать, оставим за собой преимущество внезапности.

За пределами зоны активного излучения Эпицентра климат брал своё, и наступившая по календарю весна покуда себя никак не проявила. Было морозно, а снег и не думал сходить даже на открытых местах, под деревьями же и вовсе намело высоченные сугробы. Широкие охотничьи лыжи преимущественно не проламывали прочный наст, но даже так лёгкой прогулки не вышло.

Ко всему прочему ориентироваться в ночном лесу приходилось исключительно по компасу, заплутать могли не раз и не два, но всё же как-то вышли на позицию. Сначала я уловил отголоски энергетических помех, затем ветер принёс запах дыма.

– Дерьмо! – выдохнул я облачко пара. – Цель прикрывают поисковыми воздействиями!

Герасим цыкнул языком, прекрасно отдавая себе отчёт, что наши товарищи по команде пока ещё не настолько хорошо владеют техникой заземления, чтобы тягаться с обученными операторами. От активной поисковой техники им

не укрыться.

– Какие варианты? – деловито уточнил Унтер.

– Мы с Герасимом заложим заряд, вы будете прикрывать. Ходу!

Двинулись дальше и вскоре наткнулись на тропку, немного погодя попалась ещё одна, по ней начали пробираться уже без лыж, медленно-медленно, до рези в глазах всматриваясь в темноту. Пусть риск наткнуться на пикет или припозднившийся патруль был не слишком высок, но бережёного бог бережёт.

Вроде невелика беда задание завалить – ерунда на постном масле, да и только! – но азарт всего так и захлёстывал. Хотелось всё сделать тихо. Хотелось утереть всем нос. Очень хотелось. До невозможности просто.

Сбилось дыхание, и усилием воли я заставил себя успокоиться. Велел залечь под деревьями на опушке Алику и Ване, а Унтеру и Глебу определил позицию чуть дальше, на сильно выдававшемся языке леса.

Если нашумим и придётся уходить с боем, будут шансы оторваться. Небольшие, но всё же будут.

Нашей целью оказался небольшой хутор в полдюжины домов, окружённых добротными заборами, точнее – выстроенный где-то там амбар, который с опушки не просматривался и который ещё требовалось найти. На первый взгляд задание не казалось таким уж сложным: тут не было ни ограды с колючей проволокой, ни сторожевых вышек с прожек-

торами, мы даже зашли с подветренной стороны, что самым радикальным образом снижало риск переполошить цепных псов, но всё портила активность оператора.

Вот чего ему не спится, а? Если уж на то пошло, в «Уставе караульной и гарнизонной службы» о задействовании операторов в охране режимных объектов ничего не говорилось. В отечественном – так уж точно.

Как бы то ни было, лежать в сугробе было не слишком-то уютно, и я спросил Герасима:

– Готов?

– Да.

После тщательного изучения хутора в бинокль не удалось заметить никакой подозрительной активности: не вспыхивали нигде огоньки папирос, не мелькали тени, не маячили в тёмных проходах силуэты людей. Увы, это ещё ровным счётом ни о чём не говорило. Караульные могли устроиться за дощатыми заборами или на чердаках, а кусты с облетевшей листвой наш подход точно не прикроют.

Я снял бинокль, избавился от ранца и ползком выбрался из ельника. С превеликой охотой взял бы с собой не Герасима, а Унтера, но зона активного поиска начиналась почти сразу за опушкой, там его враз засекут.

Продвинутая техника заземления не подвела, я буквально физически ощутил, как волной накатило энергетическое воздействие, накатило и соскользнуло, охватив со всех сторон, беспрепятственно унеслось прочь. Прочь, прочь,

прочь...

Манжеты прыжкового комбинезона затянул загодя, но и так снег понемногу забивался в рукава, охлаждал запястья и отвлекал. Я старался не обращать внимания на доставляемый этим обстоятельством дискомфорт и где-то на середине пути разобрался в ритме поискового воздействия, подстроился под него и в краткие паузы стал раскрываться внешнему фону, пытаться определить местонахождение оператора. Точнее – операторов.

В одном из домов почудилась некая неправильность, и я отвернул от него в сторону, пополз вдоль облетевших кустов к дальнему проходу меж оградами, перегороженному хлипковатыми на вид воротами, скорее призванными остановить не человека, а домашний скот. И тут же что-то неуловимым образом изменилось, раздался деревянный треск, а потом чердачное окошко вызвавшего моё подозрение дома осветилось частыми-частыми дульными вспышками, там заработал пулемёт!

Герасим ругнулся и неподвижно замер в снегу, а я полз первым, только поэтому и успел укрыться за углом ближайшего сруба, вовремя покинув зону обстрела. Но толку-то с того?! От леса отрезали, а на хуторе уже поднялась тревога!

В перегороженном воротцами проходе мелькнула тень, и я зашвырнул туда шутиху, призванную изобразить ручную гранату. Вспыхнуло и сразу погасло серебристое сияние, до меня донёсся раздосадованный матерок, и когда я рванул

вдоль забора, никто не пальнул в спину, опасное место удалось проскочить невредимым.

Загрохотал на опушке наш РПД, ему стал вторить автомат, засевшие на хуторе курсанты принялись палить в ответ, давить моих подчинённых огнём. Силы были не равны, в запасе у меня оставались считанные секунды, и я не побежал к дальнему проходу, вместо этого подобрался по глубокому снегу к дощатой ограде, подпрыгнул, ухватился за её верх и перевалился в закуток между свинарником и каким-то складом. Осторожно глянул во двор и, заранее взяв на прицел дверь дома, рванул по протоптанной в снегу тропке к попавшейся на глаза калитке.

Дверь распахнулась, я первым утопил спусковой крючок, ещё и перечеркнул короткой очередью выходявшее на эту сторону окно. Пинком сбил щеколду, вывалился в переулок, пальнул кому-то в спину, уловил краем глаза быстрое движение и резко подался назад. Сумел на долю мгновенья опередить выскочившего из-за угла с ППС бойца, только это уже ничего не изменило: в окне сверкнуло, хлестанул по ушам холостой выстрел, и сразу же меня словно по плечу похлопали – это дал знать наблюдатель, что я не просто обнаружен, но и убит.

– Ну хоть не всухую, – проворчал я, опуская оружие.

Интенсивность поискового воздействия разом подскочила, зона обнаружения сузилась и захватила опушку, перестрелка там разгорелась с новой силой. Понятно, что нико-

му из диверсантов не уйти – догонят и затравят, но заботило меня сейчас не это, покоя не давал вопрос, каким образом нас заметили караульные.

Вот в чём мы прокололись, а?

Глава 3

С хутора нас увезли на колёсно-гусеничном вездеходе, но лично я, положив руку на сердце, предпочёл бы добираться до базы на своих двоих и отнюдь не из-за того, что под брезентовым верхом было лишь чуть теплее, чем на улице, а от запасных канистр сильно разило запахом горючки. Просто все эти полчаса Денис Афанасьевич Пономарь, старший лейтенант особого дивизиона ОНКОР и куратор нашей группы, читал мне нотации и распекал на чём свет стоит.

– Да не важно, запаниковал ты или неправильно ситуацию оценил, – твердил он, – главное, что ни задание не выполнил, ни отход группы не обеспечил!

Ладно хоть расположились мы в дальнем конце салона, из-за рёва мотора мои подчинённые нашего разговора не слышали, но и так настроение оказалось испорчено безвозвратно. Первый провал в этом году! Два месяца без осечек шли и так опростоволосились. Я опростоволосился, не кто-нибудь!

Зараза!

К базе от хутора вела накатанная дорога, пробираться по буеракам и оврагам не пришлось, ехали споро. По итогам разбора прошлогодних событий ОНКОР получил полномочия действовать по всей Зимской губернии, чем и не

преминул воспользоваться, обустроив полноценный полигон за пределами особой научной территории. Официально – для отработки действий в зимних условиях, с чем в окрестностях Эпицентра были большие проблемы, и адаптации аналитиков к пониженному энергетическому фону, на деле же всё было далеко не так просто.

Больше всего база напоминала часть полноценного укрепрайона. Ряды колючей проволоки и минные заграждения, долговременные огневые точки и подземные переходы, зенитные пулемёты и автоматические орудия, обустроенные артиллерийские батареи и закрытые позиции миномётов. А ещё – операторы. Много операторов. И даже очень.

Дорога запетляла, и водитель сбросил скорость до минимума, ну а я досадливо поморщился из-за нематериальных касаний сигнальных конструкций, охранных структур и поисковых воздействий. Они выбивали из состояния внутреннего равновесия, пришлось погрузиться в лёгкий транс и уже безропотно, не сказать – бездумно, кивать в ответ на все упрёки куратора.

Виноват. Больше не повторится. Непременно учту. Исправлюсь.

Минут через пять вездеход выкатился к стенам пятиметровой высоты, за которыми прятались казармы, учебные корпуса, склады с боеприпасами и даже полноценный исследовательский центр, по всем бумагам проходивший как обычная медчасть.

На плацу, когда мы покинули вездеход, я не утерпел и обратился к Пономарю:

– Денис Афанасьевич, скажите уже, на чём мы прокололись. Я же спать и кушать не смогу, пока не разберусь!

Старший лейтенант глянул на меня с нескрываемой усмешкой.

– А сам не понял ещё?

– Нет, – признался я.

Пономарь повернулся к Герасиму.

– А ты что скажешь?

Тот пожал плечами.

– Полагаю, нас услышали.

– Услышали? – опешил я.

Герасим кивнул.

– Отклик у поисковых воздействий мне показался слишком размытым. Оператор точно отслеживал сразу несколько параметров.

«Так какого хрена ты промолчал?!» – едва не вырвалось у меня, но сдержался и спросил:

– Почему сразу не сказал?

Герасим и не подумал смутиться.

– Думал, почудилось.

У меня вырвался обречённый вздох, но и только.

– В следующий раз сразу говори, – попросил я и зашагал вслед за Пономарём.

– Да ты бы в любом случае ничего сделать не смог! – вро-

де как решил оправдаться поспешивший за нами Герасим. – Звуковой экран нельзя было ставить – его бы сразу обнаружили! Надо специальную технику разрабатывать, это не пяти минут дело!

Я расстегнул ранец, вытянул одну из прихваченных с собой газет и демонстративно её скомкал. Демонстративно и совершенно бесшумно. Просто погасил звуковые колебания, оперируя непосредственно входящим потоком и задействуя минимально необходимый объём сверхсилы.

– Силён! – хмыкнул Пономарь. – А тепловые аномалии от обнаружения смог бы спрятать?

С ответом я торопиться не стал, да немедленного ответа от меня и не ждали.

– Подумай об этом на досуге! – приказал старший лейтенант. – Сумеешь аналитикам нос утереть, премию выпишу. – Он перевёл взгляд на Герасима. – А ты попробуй выработать универсальный подход, мы сейчас конкурс на лучшую технику проводим.

Ну да – Герасим Сутолока насущной потребности в деньгах не испытывал, зато обожал участвовать во всяческих мозговых штурмах, дабы продемонстрировать всем и каждому остроту собственного интеллекта. Его хлебом не корми, дай только головоломную задачку решить да других умников обскакать.

На отдых нам отвели ровно час. За это время мы успели

отогреться, поужинать и допить остатки травяного настоя. Последнее я проконтролировал особо: очень уж кривились мои несознательные подопечные; Алик и вовсе попытался вылить остатки чая в чужой стакан, а когда был пойман за руку, сослался на изжогу. По такому случаю я запретил ему употреблять не только зубровку, но и перцовку, после чего стоял над душой до тех пор, пока в термосе пройдохи не осталось ни капли.

– И зачем это всё? – поинтересовался тогда Унтер. – Ладно, Глеб, но мы-то даже близко не операторы!

– Поглядим ещё, кто оператор, а кто нет, – возразил я и объявил: – Всё, время! Выходим!

Строения медчасти были отгорожены от основной территории высокой стеной; дежурившие на проходной караульные сверились со списком посетителей и разрешили проходить, а вот попасть в блок за номером семь оказалось далеко не столь просто. Унтеру, Ивану и Алику туда так и вовсе ходу не было, они остались дожидаться нас в приёмном покое.

– Готовы? – уточнил я у Герасима и Глеба, когда мы разоружились.

– Да! – ответил первый с откровенным нетерпением, а второй лишь тягостно вздохнул.

У него предстоящая процедура никакого воодушевления не вызывала. Как, впрочем, и всегда. Воистину все люди разные!

На входе в блок дежурили бойцы в униформе без зна-

ков различия с противогАЗами в заплечных ранцах и автоматами. И вновь никаких бумаг предъявлять не пришлось, но здесь караульные поочерёдно просветили нас сканирующим воздействием, не обнаружили ничего предосудительного и лишь после этого разрешили проходить.

В небольшой комнатухе без окон встретил дежурный по блоку, повёл привычным маршрутом по коридору с приглушённым освещением и рядами запертых железных дверей. Мы встречались тут еженедельно, но не знали ни имён, ни званий друг друга. Представляться здесь было не принято.

Если уж на то пошло, то официально этого блока и не существовало вовсе. Какие могут быть знакомства?

– Сегодня работаете с третьим, восьмым и пятнадцатым, – сообщил дежурный.

Я на миг задумался, припоминая свои прошлые посещения сего заведения, потом объявил:

– Начнём с восьмого, закончим третьим.

– Хорошо.

У процедурных подпирали стены четверо дюжих санитаров, отличавшихся от охранников на входе лишь отсутствием оружия; все крепкие дядьки средних лет, все в униформе, все операторы.

– Без происшествий, – сказал один из медбратьев.

Дежурный по блоку кивнул и заглянул в кабинет с распахнутой настежь дверью.

– Восьмой, пятнадцатый, третий! – предупредил он медика, и молодой человек лет двадцати пяти во всё той же униформе без знаков различия отпер вмурованный в стену сейф, распахнул его толстенную стальную дверцу и достал ампулу, окольцованную оранжевой бумажной полосой. Отломил запаянный кончик и принялся втягивать содержимое в загодя приготовленный шприц, один из трёх.

Я тоже время попусту не терял, вынул из ранца алюминиевую тубу, отвернул её крышку, извлёк шприц. Глеб страдальчески сморщился и вздохнул, но тихо-тихо, после чего закатал рукав комбинезона, позволив сделать себе инъекцию спецпрепарата.

– Время пошло, – сообщил я медику. – Доза стандартная, состояние пациента в норме.

Молодой человек бросил взгляд на наручные часы и коротко ответил:

– Принято, – после чего первым покинул кабинет, а вот в процедурную шагнул только после парочки санитаров. Когда появился обратно, то сказал: – Плюс минута.

Я кивнул и прошёл в помещение напротив. Санитары замерли у дальней стены, в ручище одного был зажат шприц, второй держал резиновую маску противогаса, только вместо фильтрующей коробки гофрированный шланг соединял ту с литровым стальным баллоном, содержавшим смесь для дыхания с кое-какими специфическими добавками. На стуле же посреди просторного помещения сидел худощавый ни-

хонец: не слишком молодой, но и далеко не старый, ухоженный, в чистенькой больничной пижаме, с полным набором конечностей, прикованных к вмурованному в пол железному креслу.

– Конничива... – произнёс я и даже растянул губы в механической улыбке, проявляя вежливость по отношению к человеку, который не доставляет проблем.

Пленный оператор кивнул, не вымолвив при этом ни слова, его желтоватое лицо уже покрылось капельками пота, а зрачки сравнялись размером с булабочными головками, но нихонец ещё не обрёл контроля над сверхсилой – прошло слишком мало времени, чтобы в полной мере успел подействовать антидот.

Глеб улёгся на приготовленную для него каталку, а Герасим встал рядом, готовясь меня подстраховать. Я положил левую ладонь меж лопаток пленного, обратился к ясновидению и принялся отслеживать энергетические возмущения. Прекрасно знал, чего следует ждать и потому сразу уловил пульсацию сверхсилы – пока ещё очень слабую и хаотичную. Но понемногу биение окрепло и стало многогранным, словно бы к выбивавшим мелодию барабанам присоединились и другие инструменты, сделалось узнаваемым ритмом источника-девять, полностью совпав с нужной мне гармонией. И вместе с тем продолжило оставаться недостаточно чётким и сильным.

– Вперёд! – скомандовал я по-нихонски, и пленный

не стал упрямяться, послушно вошёл в резонанс.

Вспышка! Я в один момент уловил гармонию далёкого источника, ухватил её – истинную и бесконечно правильную, не искажённую отклонениями моей собственной инициации – и, стиснув мёртвой хваткой плечо Глеба, передал подопечному. Того выгнуло дугой, он вцепился в стальные поручни каталки и скрипнул зубами, а я попытался уравновесить его внутреннюю энергетiku и заставить её открыться сверхсиле, в очередной раз осуществить удалённую настройку на источник. По сути, совершить то, чего ещё никто никогда не пытался сделать, в силу ненужности или по причине излишней сложности – не важно.

– Держу! – будто откуда-то издалека донёсся голос Герасима.

– Быстрее! – прохрипел я. – Шевелитесь!

К нам подскочили санитары, один сделал пленному инъекцию, второй прижал к его лицу резиновую маску и открыл вентиль баллона. Зашипел газ, но блокиратор сверхспособностей не обладал немедленным действием ни в одной из своих форм, и Герасиму пришлось контролировать нихонца до тех пор, пока первый из медбратьев не пережал входящий энергетический канал.

– Быстрее! – заторопился я. – Начинай!

Глеб сипел и пытался дотянуться до сверхсилы, пытался – и не мог, а состояние единения с источником-девять уже начало покидать меня, и воздействие на внутреннюю энерге-

тику подопечного медленно, но верно теряло свою эффективность. Удерживать ту в равновесном состоянии я мог ещё разве что секунд десять, ладно хоть Герасим без промедления подступил к каталке и принялся стравливать свой загодя набранный потенциал. Выбрасываемая им вовне энергия быстро рассеивалась, но её концентрация в пространстве резко подскочила, и этого оказалось достаточно, чтобы Глеб дотянулся до сверхсилы и на судорожном вдохе втянул её в себя.

– Проклятье! – хрипло выдал он, попытался усесться, но сразу повалился обратно и часто-часто задышал.

Набирать потенциал Глеб даже не пытался, лишь прокачивал энергию через себя, но большего от него и не требовалось. Сейчас – нет.

Я немедленно сосредоточился на входящем канале подопечного и начал осторожными точечными воздействиями снимать спазм, впрочем, особо с этим не усердствуя. Мы буквально завели сверхспособности Глеба с толкача, теперь он не утратит их до вторника или даже среды, и у Лизаветы Наумовны будет предостаточно времени, дабы превратить его в подушечку для иголок.

– Давай! Работай! – потребовал я, а когда Глеб перестал судорожно втягивать в себя воздух и успокоил дыхание, мы с Герасимом выкатили его в коридор и сдали с рук на руки санитарам.

Уф-ф! Считай, полдела сделано...

Постоялец под номером пятнадцать был молод и плохо обучен, все его помыслы занимало стремление стать камикадзе, но всякий раз я успевал вовремя оборвать резонанс, не сплеховал и сегодня. Деструктивным воздействием вышиб нихонца из транса – излишне жёстко, зато быстро и чётко, и без промедления перекинул гармонию источника-девятка Герасиму, после сунул ему пробирку со студнем гриба.

– Дальше сам!

Герасим зубами выдернул пробку, выпил содержимое мензурки и нетвёрдой походкой отправился в помещение для медитаций. Контролировать его не было нужды, а нихонцем уже занялись санитары, и я вернулся к заведующему блоком.

– Время! – объявил, делая инъекцию спецпрепарата уже себе самому.

Постоял так немного в ожидании разрешения начинать, затем в сопровождении парочки санитаров прошёл в процедурную с последним на сегодня нихонским военнопленным, влил в рот мерзкий скользкий комок жидких грибов, через силу проглотил эту гадость, с трудом подавил рвотный спазм.

Дрянь!

Оставленный напоследок пленный был матёрым волчарой с предельной для источника-девятка мощностью и отличной выучкой. В плен он угодил в бессознательном состоянии по-

сле едва ли не прямого попадания артиллерийского снаряда и все предложения о сотрудничестве отвергал с непоколебимой категоричностью, но удалось подобрать ключик и к эдакому упрямцу. Будучи офицером, пленение он полагал бесчестьем и страстно желал совершить сэппуку – пусть бы даже и не вспороть брюхо ритуальным клинком, а просто поджарить себе мозг или закупорить сосуд с помощью малой толики сверхсилы.

С ним я всякий раз ходил по краю, но операторов в плен взяли не так уж и много, реципиентов выбирать не приходилось, а что приходилось, так это оттачивать технику подавления чужих сверхспособностей. И всё бы ничего, да только комбинированное воздействие спецпрепарата и грибов порядком нарушало ясность мысли и сбивало концентрацию, не говоря уже о том, что реальность начинала серьёзно запаздывать, не поспевая ни за нервными импульсами, ни даже за движениями тела.

Прикованный к стальному креслу нихонец при моём появлении принялся яростно таращить глаза и сыпать проклятиями, я встал за его спиной и положил ладони на плечи, попутно легонько надавил на болевые точки, дабы самую малость уgomонить. На этом этапе подвоха не ждал и потому едва не пропустил неожиданную контратаку. Вопреки обыкновению пленный не попытался пересилить мой блок, вместо этого вознамерился освободить энергетический канал резким входом в резонанс. Меня перетряхнуло с головы до ног,

и какую-то долю мгновенья всё висело на волоске, но затем свою роль сыграл опыт. Секунду – едва ли дольше! – я продолжал удерживать блокировку, и вот этой мимолётной заминки и хватило, чтобы подать напряжение на стальное кресло, оплетённое толстыми жгутами электрических проводов. Дёрнуло оператора не слишком сильно, но разряд всё же заставил его конвульсивно содрогнуться и на миг утратить концентрацию, а дальше в игру вступили санитары.

– Долгих лет жизни, – прохрипел я по-нихонски и вывалился из процедурной, каким-то запредельным усилием воли удерживая в себе размеренное биение источника-девять.

Оно отличалось от ритма моей внутренней энергетики лишь в неуловимых нюансах, те смазывались и уплывали, растворялись в сознании каплей крови, упавшей в кристальной чистоты воду – не слишком быстро, но неумолимо и безвозвратно. А я не мог бежать – и без того качало из стороны в сторону! – но добрёл как-то до пустой процедурной с брошенным на пол матрасом, повалился на него, уставился в потолок.

«Быстрее! Быстрее! Быстрее!» – так и стучало в моей голове, и всё же для начала я постарался собрать рассыпавшуюся на кусочки гармонию в ощущение всеобъемлющей правильности, лишь после этого вошёл в резонанс.

Электрорампочка рассыпалась на закружившие под толчком огни, первый миг их было тринадцать, но стоило только проявиться эффекту стробоскопа и лишние померк-

ли, осталось ровно девять. Сверхсила заструилась лёгким холодком, затем начала вливаться концентрированной стужей, а после и вовсе налетела ледяным цунами. И сейчас энергия не просто наполняла, но и предельно усиливала воздействие захваченной гармонии, выправляя все накопившиеся за прошедшую неделю отклонения. И отчасти даже корректировала девиации, приобретённые при первоначальной настройке на источник-девять.

Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Но всё же мощность нарастала не столь быстро, как прежде, когда я был оператором девятого витка Эпицентра, мой прежний опыт делал процесс предельно контролируемым, я не позволял сверхсиле расплёскиваться, удерживал её в себе всю до последнего джоуля, пусть даже та и распарывала меня своими ледяными лезвиями изнутри. И вот в тот самый миг, когда давление сделалось невыносимым, а изначальная гармония источника-девять утратила свою безупречность, я вывалился из транса, хрипло выдохнул и одновременно стравил сразу мегаджоулей двадцать, не меньше.

В процедурной резко похолодало, над полом за клубился белёсый пар, по стенам зазмеились узоры изморози. Я даже не шелохнулся, лежал и пытался не дать рассеяться остаткам потенциала. Отчасти даже небезуспешно.

– Девяносто одна секунда! – объявил медик, когда я едва живой шагнул из процедурной в коридор. – Увеличение

на секунду!

Я кивнул и побрёл на выход. Окружающая действительность плыла и подрагивала, и точно так же на каждом шаге подрагивал потенциал в двадцать пять мегаджоулей – немногим меньше половины от общего выхода резонанса. Несмотря на все ухищрения, энергия продолжала сочиться из меня, тянулась следом полосой морозного воздуха. Когда вышел во внутренний двор, холода не ощутил вовсе, до того промёрз изнутри.

– Давайте! – орал там Герасим на подопечных. – Вставайте!

Раз за разом он прикладывал их неструктурированными выплесками сверхсилы, и раз за разом Ивана и Алика сшибало с ног, а Унтер лишь отступал на шаг назад, дабы тут же проломиться через нематериальный шквал и вернуться на исходную позицию.

– Ощутите силу! – голосил Герасим. – Почувствуйте отклик! Спротивляйтесь!

Энергии он не жалел, воздух так и посверкивал разрядами статического напряжения, у меня неприятно защипало в носу.

– Давайте!

Очередной выброс сшиб с ног Алика. Тот взорвался и, заорав:

– Да иди ты к чёрту! – усилием воли толкнул рассеянную в пространстве энергию обратно к Герасиму.

Такой финт мог застать врасплох разве что первокурсника, но я всё же несколько раз хлопнул в ладоши. До сегодняшнего дня ни у одного из моих подопечных ничего подобного не получалось.

– Повтори трижды, и выделю сто грамм!

Алик фыркнул.

– На что мне сто грамм? Только пачкаться! Да и не пью я один!

– А бутылку на троих?

Иван поднялся на четвереньки, выплюнул набившийся при падении в рот снег и просипел:

– Алик, ты уж расстарайся!

Но Герасим дал новое задание:

– Медитируйте! Постарайтесь обрести чувство внутреннего равновесия!

– Выполняйте! – подтвердил я этот приказ и, не слушая возражений, двинулся к проходной.

Герасим поспешил следом, в сопровождении звена егерей мы покинули территорию базы и отправились на полигон.

– Сколько слоёв потянешь сегодня? – уточнил наставник.

Теперь уже – да, теперь уже именно наставник.

– Все, – коротко ответил я, усилием воли закручивая воздействие, сплетая его в шарообразную структуру и опутывая следующим слоем.

Избыточное давление и компенсирующая его гравитационная аномалия стали ядром структуры, следом косматым

оранжевым коконом растеклась раскалённая плазма, а в качестве внешнего армирующего экрана я задействовал дополнительную оболочку из концентрированной сверхсилы. Получилась вроде бы обычная шаровая молния размером с футбольный мяч, только если вдруг рванёт – точнее, когда рванёт! – так и полетят клочки по закоулочкам!

– В броневик! – указал Герасим на заснеженный остов боевой машины, прятавшийся за кирпичной стенкой в сотне метров от нас.

Сложная энергетическая структура искажала само пространство, одним только усилием воли направить её в цель не было никакой возможности, и я сжёг остатки потенциала, дабы придать заряду скорость пушечного ядра.

Лети!

Росшие на линии огня молоденькие ёлочки выгнуло, с них разом сорвало едва ли не всю хвою, а в следующий миг шаровая молния разметала кирпичную кладку, прожгла броню и влетела внутрь боевой машины. Гравитационным воздействием ту начало сминать, будто попавшую под пресс консервную банку, но тут же грянуло – и выплеск давления расшвырял по сторонам заклёпки и рваные обломки металла!

– Неплохо, – оценил мою заготовку Герасим.

Я кивнул.

И действительно. Неплохо.

Пусть для уничтожения обычного танка или броневика расход энергии был откровенно чрезмерен, но наличие

в экипаже оператора кардинальным образом повышало живучесть боевых машин, да и самого оператора прикончить не так-то и просто. На какие только ухищрения ради этого не пойдёшь...

В резонанс я входил ещё трижды: утром и вечером воскресного дня, а ещё в понедельник, незадолго до вылета в Новинск. Всякий раз предварительно съедал чуть ли не пригоршню таблеток из здешней медчасти – заработал изжогу, зато закрепил своё новое достижение в дополнительную секунду и при этом не надорвался.

Плюс – наполненность. Вне зоны активного излучения Эпицентра я мог позволить себе удерживать потенциал в добрый десяток мегаджоулей и вновь ощущать себя полноценным оператором было, откровенно говоря, чрезвычайно приятно. Всё бы ничего, только воскресным утром Герасим невесть с чего возжелал оценить мои достижения в технике двойного вдоха. Продемонстрировать ему было нечего, и я не нашёл ничего лучше, чем сослаться на нежелание впустую растрачивать потенциал, набранный в противофазе. Зря-зря.

– А знаешь что, Пётр? – насупился Герасим, изрядно раздосадованный моей неуступчивостью.

– Скажешь – буду знать! – пробурчал я, сообразив, что перегнул палку, но на попятную не пошёл чисто из принципа.

– Если ты делаешь ставку на использование энергии в про-

тивофазе... – Он вскинул руку, призывая меня к молчанию. – Это я как раз одобряю! То почему ты не занимаешься вопросом разделения потенциалов?

Уверения в нехватке свободного времени прозвучали бы просто жалко, вот я и соврал на голубом глазу:

– Как не занимаюсь? Занимаюсь!

– Будет интересно взглянуть на теоретические выкладки. Покажешь?

– В следующий раз.

– Замечательно.

На том и расстались. Герасим занялся саморазвитием, а я отправился на встречу с нашим куратором из особого дивизиона. Ну да – на развитие сверхспособностей отводилась лишь малая часть воскресенья, в остальное время мы на практике осваивали премудрости проведения диверсионно-разведывательных мероприятий.

Погонял старший лейтенант Пономарь нас в итоге на славу. С утра отрывались от преследования и устраивали засады в лесу, после обеда просачивались в занятые противником населённые пункты и выявляли секреты, а уже ночью отрабатывали прорыв укрепрайона и зачистку его подземных ходов. Вымотались так, что ни словами сказать, ни пером описать.

В понедельник сразу после выхода из резонанса пришлось не просто стравливать потенциал, но и выжигать его до последнего сверхджоуля с помощью техники алхимической пе-

чи. И даже так в зоне активного излучения Эпицентра будто ёршиком изнутри всего продрало. Пусть до действительно болезненных эти ощущения и не дотянули, но передёрнуть – передёрнуло.

Чуть погодя, уже на подлёте к Новинску, проявилась привычная неправильность, и я поспешил до предела усилить заземление, заодно вновь задействовал адаптивную технику, дабы иметь возможность оперировать сверхэнергией на лету, без каких-либо заминок. Иначе никак, иной раз даже доли мгновенья решающими оказаться могут.

А там и на посадку пошли...

На лётном поле Герасима дождался служебный автомобиль – не по чину заместителю руководителя направления перспективных исследований, что бы под этой вывеской ни скрывалось, общественным транспортом пользоваться, – а наша пятёрка своим ходом двинулась к ангару. Но даже и после того, как мы сдали снаряжение и почищенное с вечера оружие, умылись, побрились и переоделись, ехать никуда не возникло нужды, поскольку по понедельникам все посещали курсы ОНКОР, учебный центр которого располагался по соседству.

Там ни днём, ни ночью не останавливалось возведение новых корпусов, а столпотворение царило от рассвета и до самого позднего вечера. Помимо униформы отдельного научного корпуса на глаза частенько попадались армейские ши-

нели, мундиры пограничников и тужурки железнодорожников, а изредка даже кители моряков и лётчиков. Хватало и курсантов в штатском, их пиджаки обычно отмечали значки РИИФС. Если студенты занимались начальной военной подготовкой преимущественно на базе института, то операторы, уже покинувшие стены учебного заведения, проходили курсы дополнительной подготовки и переподготовки именно здесь.

А ещё тут частыми гостями стали уроженцы Джунгарии и выходцы из северных провинций Джунго. Надо понимать, первых обучали отстаивать вновь обретенную родиной независимость, а вторым втолковывали азы организации народно-освободительного движения. И это правильно.

Матвей Пахота повстречался на крыльце пятиэтажного корпуса. Широко зевнув, громила мотнул головой и протянул руку.

– Привет, Петя!

– Привет-привет! – улыбнулся я. – Как жизнь молодая?

– Просто сказка! – уверил меня Матвей. – Не представляю, как раньше без моих девочек жил! Думаю, скоро за вторым пойдём.

И да – это он на полном серьёзе. Я немного позавидовал ему даже, накатило такое мимолётное чувство. Очень-очень мимолётное.

– Чего не заходишь? – спросил я.

Матвей вновь зевнул и снова потряс головой.

– Разморит в тепле-то. На свежем воздухе легче. Да ты иди, иди...

Я фыркнул.

– Можно подумать, у меня выспаться возможность была.

– Силён!

– Да не, я ж с выезда только вернулся.

Подошли Илья Полушка и Сергей Клевец, поздоровались, скрылись внутри, а дальше подъехали сразу три автобуса с символикой жандармского железнодорожного корпуса.

– Вступительные экзамены сдавать пригнали, – подсказал Матвей, перехватив мой озадаченный взгляд.

Со скрипом распахнулись дверцы, из салонов начали выбираться заспанные унтер-офицеры; я заметил знакомую фигуру и тяжело вздохнул.

– Да ладно? Ну надо же какие люди!

Боря Остроух подошёл к крыльцу в числе первых, поднялся к нам и ухмыльнулся.

– Вахтёрами тут, да?

Матвей выразительно хрустнул костяшками пальцев, а вот я радушно улыбнулся:

– Отрадно видеть, что ты всё столь же проницателен! – и распахнул перед бывшим сокурсником дубовую дверь, с немалым трудом переборов при этом тугую пружину. – Прошу!

Боря фыркнул и шагнул через порог, я отпустил медную

ручку, и дверь с грохотом захлопнулась, изнутри донёлся испуганный вскрик. Только-только поднявшийся на крыльцо корнет-железнодорожник нахмурился, но сзади его уже подпирали унтер-офицеры, цепляться ко мне он не стал. Да не особо-то и прицепишься к штатскому, а уж если лацкан его пиджака украшает значок РИИФС, так и подавно.

– Ну вот! День не зря прошёл, – усмехнулся я, когда мы вновь остались на крыльце одни.

– А я ещё думаю: чего это Петя такой вежливый стал? – усмехнулся в ответ Матвей. – Коварный ты тип, оказывается!

– И злопамятный, – кивнул я, достал карманные часы и взглянул на циферблат. – Всё, хватит прохлаждаться. Сейчас звонок дадут.

И мы разошлись по разным аудиториям: если меня учили диверсии устраивать, то Матвея – их предотвращать. Разные специализации, не так уж и часто на занятиях пересекались.

Ни на одной из лекций я не уснул и даже не зевал особо, строча конспекты и зарисовывая в тетради схемы размещения стрелков, распределения секторов огня и организации путей отхода и закладки мин. Но вот уже после занятий, завершившихся походом на полигон, я оказался перед чертовски сложным выбором: посетить столовую при учебном центре или не тратить время на еду и рвануть в институт, дабы успеть заскочить в библиотеку и проработать теоретическую часть создания двух независимых потенциалов, а за-

одно взять полноценное пособие по технике двойного вдоха.

Желудок так и подводило от голода, но план индивидуального развития утвердил доцент Звонарь, и как-то совершенно не хотелось краснеть и потеть, выслушивая нотации от человека, который на текущий момент целиком и полностью определял моё положение в институтском научном сообществе.

Все необходимые допуски я получил ещё в прошлом году, просто до последнего тянул с походом в библиотеку, оправдываясь перед самим собой нехваткой времени, ну а теперь припёрло, вот и проявил силу воли, потопал к проходной. Рядом с той как раз стоял автобус с символикой РИ-ИФС, я предъявил водителю студенческий билет, занял одно из немногих свободных сидений и задремал ещё прежде, чем мы тронулись с места.

На подъезде к центру города транспорт остановили на блокпосту, но долго проверка документов не продлилась, а дальше автобус и вовсе покатил в сопровождении легкового вездехода ОНКОР – доехали до главного корпуса за пять минут. Уже на территории студгородка меня вновь посетил соблазн заскочить в столовую, и вновь я совладал с искушением, отправился напрямиком в библиотеку. В читальном зале яблоку некуда было упасть, но со спецлитературой работали в отдельных помещениях – туда студентов и аспирантов уже не набивали, будто сельдей в бочку, некоторые из кабинетов и вовсе были рассчитаны на одного-единственного посети-

теля.

Там же можно было заказать фотокопию или перепечатку требуемых материалов; я прошёл мимо ряда дверей, из-за которых доносился перестук пишущих машинок, и сунулся было к библиотечным работникам, но те сразу отфутболили к заведующему фондом курсовых и дипломных работ, исследовательских проектов и диссертаций.

– Разрешите? – заглянул я тогда к средних лет дядечке с козлиной бородкой.

– Да-да, молодой человек, проходите! Вы по какому вопросу?

Я выложил на стол бланки допусков и сказал:

– Меня к вам за согласованием выдачи материалов направили.

Дядечка кивнул.

– Обычное дело. – Он наскоро просмотрел мои бумаги, хмыкнул пару раз и поставил на одном из бланков визу, после чего вернул его мне. – Методические рекомендации по технике двойного вдоха можете получить на руки. Касательно остального... Пройдёмте.

Он поднялся из-за стола и двинулся к входной двери. Я с заведёнными тут порядками знаком не был и решил, что меня отведут к картотеке дипломных работ и диссертаций, но не тут-то было. Отвели меня к заведующему институтской библиотекой.

Я как вслед за дядечкой с козлиной бородкой в приёмную

зашёл, так сразу о цели своего визита и позабыл. Решил поначалу даже, будто попал непосредственно в хранилище – очень уж увиденное напомнило библиотеку какого-нибудь средневекового монастыря или латонского университета.

Заставленные книгами полки – от пола и до потолка, а сам арочный свод высоченный, как минимум пятиметровой высоты. Вытянутое помещение было разгорожено книжными шкафами, во втором от входной двери закутке обнаружился стол секретаря.

– Герман Аскольдович у себя? – уточнил мой спутник.

– Где же ему ещё быть? – улыбнулся молодой человек. – Проходите, Илья Никифорович!

Дядечка указал мне на ряд стульев для посетителей, а сам скрылся за высоченной дверью, отделанной под старину. Секретарь хрустнул костяшками и принялся быстро-быстро колотить пальцами по клавишам пишущей машинки, этим пулемётным перестуком враз сведя атмосферу средневекового книгохранилища на нет.

Как бы то ни было, долго моё ожидание не продлилось. Дядечка с козлиной бородкой пробыл в кабинете от силы пару минут, затем он вернулся в приёмную и предложил мне пройти к заведующему, а сам отправился восвояси.

И такое вот развитие событий встревожило меня просто несказанно. Если допуски оформлены ненадлежащим образом или тем паче – устарели, я буду иметь бледный вид, объясняя Звонарю, почему это выяснилось только сейчас. Вы-

кручусь, конечно, но не хотелось бы ещё и на это свои время и нервы тратить.

Кабинет заведующего библиотекой отличался от приёмной лишь наличием широкого окна, огромного камина, под стать ему глобуса и длиннющего стола для заседаний, а ещё пары кресел и журнального столика. Плюс в книжных полках имелось несколько прорех, занятых пейзажами в золочённых рамах, ну и один из застеклённых шкафчиков скорее служил баром, нежели содержал старинные фолианты.

На общем фоне сам заведующий как-то немного и потерялся даже. Этот интеллигентной наружности господин средних лет обладал столь же средним телосложением, не был ни высоким, ни низким, да и лицо его особой выразительностью тоже не отличалось.

– Что-то не так с бумагами? – первым нарушил я молчание, встав напротив стола.

– С бумагами полный порядок, – уверил меня Герман Аскольдович, – но при нестандартных запросах я полагаю необходимым дополнительно проверять их обоснованность. Зачастую люди и сами толком не понимают, что ищут, а лишнее перелистывание фондам, знаете ли, на пользу не идёт. Поэтому мне хотелось бы знать, чем вызван ваш интерес к запрашиваемым работам.

Я пожал плечами и сказал:

– Мой проект подразумевает оценку влияния приобретаемых энергетических патологий на физическое состояние

оператора. Попутно я разрабатываю тему самостоятельного возвращения оператора к норме за счёт разделения потенциала на основной и резервный.

– Очень интересно, – отметил заведующий скорее вежливо, нежели действительно заинтересованно. – А как соотносится с этим техника двойного вдоха?

Тут уж он меня достал, и от утаивания отдельных деталей я из чистого хулиганства перешёл к откровенной и беспардонной лжи.

– Мне интересна идея автономности резервной области потенциала. Собираюсь добиться полной её независимости от входящего канала.

Герман Аскольдович посмотрел с откровенным сомнением во взгляде, потом сказал:

– Оригинально. Мой секретарь подготовит список наиболее релевантной вашим интересам литературы. Приходите послезавтра. Или нет, лучше в четверг.

Меня такой ответ несколько не порадовал, но заявление о горящих сроках прозвучало бы откровенно жалко, да ещё распахнулась дверь и в кабинет вплыла брюнетка лет тридцати, высокая и статная, в облегающем платье.

– Герман, дорогой! – произнесла она мягким грудным голосом. – Ты занят?

Сначала я отметил очень броскую и даже хищную красоту, потом только узнал в брюнетке Эльвиру Генриховну Хариус – сотрудницу аналитического дивизиона, с которой как-

то пересёкся в Зимске.

Заведующий библиотекой мигом поднялся из-за стола.

– Нет-нет! Что у тебя, дорогая?

Супруга подошла и поцеловала его в щёку.

– Сегодня буду заниматься квартирным вопросом нашего нового мальчика, приду поздно. Не теряй.

– Не беда! Я и сам собирался в клуб.

Я спешно выскользнул в приёмную, где и столкнулся со Львом.

– О, привет! – протянул я ему руку, сложил одно с другим и спросил: – Да тебя никак переселяют?

– Ага! – расплылся в счастливой улыбке мой бывший одноклассник. – Сегодня после дежурства съезжаю из клиники, сейчас ордер на заселение получать пойдём. – Он взглянул на наручный хронометр. – Ты вот что, Петя: приходи завтра на новоселье часам к девяти. Улица Коммунаров, дом восемь.

– Приду, – пообещал я. – А подарить тебе что?

– Да ничего не надо. Не собираюсь вещами обрастать. Жильё-то служебное!

– Тебя в штат взяли?

– Вроде того, – уклончиво ответил Лев и прищёлкнул пальцами. – Да, слушай! Я Ингу с Лией пригласил. Ничего?

Я пожал плечами.

– Нормально.

Нельзя сказать, будто я усиленно избегал Лию, скорее

из врождённого чувства такта старался не мозолить ей глаза, но именно что из чувства такта. Заботиться о чужом душевном спокойствии в ущерб себе мне категорически не хотелось.

– Приду! – пообещал я, хлопнул Льва по плечу и зашагал мимо книжных полок к входной двери, намереваясь заскочить перед заступлением на дежурство в столовую.

Увы, воспользоваться подвернувшимся шансом заменить пищу духовную на хлеб насущный не вышло. Покинув библиотечный корпус, я двинулся напрямик к столовой, здраво рассудив, что кратчайшее расстояние между двумя точками – это прямая, но всё оказалось далеко не так просто. Кратчайший путь пролегал мимо военной кафедры, вот там меня и окликнули:

– Петя! Линь!

Я обернулся и отсалютовал так невовремя вышедшему подымить на крыльцо Касатону Стройновичу.

– Привет!

Аспирант выкинул окурок в урну и спросил:

– Ты куда запропал?

– Учёба, работа...

– У всех учёба, у всех работа! – отмахнулся Касатон. – Понимаю, вчерашние выборы пропустил – на выезде был, уважительная причина! Но сейчас изволь на отчётное собрание пожаловать!

Я закатил глаза.

– У меня дежурство!

– Оно у тебя только через час начнётся! – неприятно поразила меня Стройнович своей осведомлённостью и больше уже ничего слушать не стал, ухватил под руку и потянул к входной двери. – Идём-идём! Нельзя от коллектива отрываться. Неправильно это!

Я беззвучно ругнулся и вслед за аспирантом двинулся к актовому залу военной кафедры, который оказался под завязку набит студентами разных годов обучения. Все оживлённо переговаривались, гул стоял такой, что было не слышно собственных мыслей.

Касатон направился к президиуму, но сразу оглянулся и погрозил мне пальцем. Я в жесте признания капитуляции выставил перед собой раскрытые ладони, после огляделся в поисках свободного места, не заметил ни одного и прислонился к стене.

Вот же носятся с этим советом студенческого самоуправления как с писаной торбой! И ведь никто не признается, что подоплёка у всего этого ажиотажа проще некуда: если разобраться, дело в банальном желании утереть нос другим факультетам.

Председательствовал на собрании Касатон Стройнович, он его и открыл, поприветствовав собравшихся и призвав всех к тишине. Дальше аспирант на добрую четверть часа разразился пространной речью, в которой затронул все более-менее значимые события последних дней: студенческие

беспорядки и акцию анархистов, церковный запрет пастве проходить инициацию, стремление так называемого мирового сообщества заполучить контроль над Эпицентром, санкционное давление, отказ в реструктуризации долгов и выдаче новых займов, и даже спор Срединского воеводства и Оксона о принадлежности вольного города Данциг, который на текущий момент оставался одной из последних территорий под протекторатом Лиги Наций. Осудил несдержанность, призвал к бдительности и только после этого перешёл к делу.

– Рад объявить, – повысил голос Касатон, – что по результатам выборов представители военной кафедры заняли в совете студенческого самоуправления семь мест из сорока девяти! Первый курс: Марина Дичок! Прошу на сцену! Аплодисменты!

Сидевшая в первом ряду Марина поднялась со своего места и прошла на подиум, машинально поправила светлые волосы и немного смущённо помахала залу ладошкой.

– Второй курс: Инга Снегирь! – объявил Стройнович, когда аплодисменты начали стихать. – Инга в дополнительных представлениях не нуждается, все вы её прекрасно знаете!

Моей бывшей однокласснице хлопали заметно громче и чуть продолжительней, Касатон даже поднял руку, призывая к тишине.

– Третий курс: Сергей Золотник и Алевтина Вьюн! Поприветствуем наших героев, отличившихся при отражении

воздушных налётов на Зимск!

На сцену поднялась парочка пирокинетиков, точнее – поднялись они порознь, а до того даже сидели в разных концах зала, что меня откровенно удивило.

Какая кошка между ними пробежала?

Касатон Стройнович выдержал небольшую паузу и продолжил:

– Четвёртый курс: Мефодий Карлуша, наш дорогой и всеми любимый Карл!

Уж на что тепло встретили предыдущих выдвиженцев военной кафедры, реакция на объявление моего приятеля оказалась на порядок сильнее. От воплей и свиста едва не заложило уши.

Карл воздел над головой мощные ручищи, а потом и вовсе поклонился, блеснув бритой макушкой.

– Благодарю за оказанное доверие и поддержку!

Касатон добродушно усмехнулся и выкрикнул:

– Пятый курс: ещё один выдающийся представитель актива военной кафедры – Авдей Конокрад!

На сцену поднялся пирокинетик с белой отметкой рубца на лбу. И вновь – бурные и продолжительные аплодисменты. Да оно и немудрено: герой же!

Насколько мне было известно, Лия отказалась выдвигать свою кандидатуру из желания сосредоточиться на учёбе, спорте и устройстве личной жизни, а Никифор сменил Герасима на должности командира зенитной батареи, теперь ему

было не до участия в выборах.

– Так шесть их! – пихнул в бок приятеля стоявший рядом со мной студент.

– Тебе мало, что ли? – ответил тот ухмылкой. – Мне бы и одной рыженькой хватило! Огонь девка!

Алевтина и в самом деле выглядела самой фигуристой и наиболее яркой из барышень на сцене. Марина на её фоне смотрелась чуть простоватой худышкой, а Инга слишком уж строгой недотрогой.

– И наконец, ваш покорный слуга, – объявил Касатон Стройнович, становясь между Ингой и Мариной, – прошёл в совет по квоте аспирантов!

Заорали и затопали ногами студенты, сверкнула магниевая вспышка, поднялся под потолок белёсый дымок. Касатон улыбнулся и вскинул над головой сжатый кулак.

– Ура, товарищи! Ура! Ура! Ура!

Обращение вызвало столь бурную реакцию, что едва оконные стёкла не вылетели, энергетический фон так и колыхнулся. Меня ощутимо перетряхнуло, пришлось даже усилить заземление. Я раздражённо поморщился и начал проталкиваться к выходу, но, прежде чем успел покинуть зал, Касатон объявил:

– Пользуясь случаем хочу сообщить, что наш дорогой друг Вениамин Мельник досрочно произведён в военные советники второго ранга и назначен координатором подразделения сверхэнергетической защиты Западного военного окру-

га! Инга, мои поздравления! Ура!

Для меня заявление Стройновича оказалось неожиданным лишь в части стремительного карьерного роста нашего общего знакомого, а вот его отправка на западную границу никакого удивления не вызвала. В Новинск после вывода наших частей из Джунго в обмен на соответствующие уступки со стороны нихонцев Мельник не вернулся, продолжив нести службу при штабе Особого восточного корпуса, а о грядущем назначении генерал-лейтенанта Рогача командующим Западного военного округа газеты писали ещё в середине января. Личности подобного калибра в одиночку с места на место не перебираются, непременно тащат за собой сработавшуюся команду, не сказать – свиту.

Воспользовавшись всеобщей ажитацией, я выскользнул за дверь, достал карманные часы и досадливо выругался, взглянув на циферблат.

Зараза! Опоздал!

Нет, не на дежурство, только в столовую, но и это несколько не порадовало. В караулке я устроил ревизию съестных припасов, отыскал сухари и начатую пачку заварки, но попить чай помешало появление Александра Малыша.

– Уже здесь? – удивился он, взглянув на часы. – Отлично! Тебе персональное задание.

– С чего такая честь? – насторожился я.

Малыш расплылся в широкой улыбке и добродушно хлопнул меня своей лапищей по плечу.

– Не дрейфь! Сегодня вы все индивидуальные задания получите. Работа не бей лежачего: надо постоять в церкви тихонько, проследить, чтобы внутри никто не хулиганил. Только действуй незаметно, нам конфликты на пустом месте не нужны. Твоя задача, не привлекая к себе внимания, вывести правонарушителей на улицу и сдать наряду.

Ага. Ага. Не привлекая внимания. В церкви.

Гениально!

– Это Вяз у нас такой одарённый или приказ сверху спустили? – пробурчал я.

– А есть разница?

– Просто интересно.

Малыш покачал головой.

– Интересно тебе на завтрашней тренировке будет, если перед попами засветишься. Ты там не на службе, просто помолиться зашёл. Усёк?

– Так точно!

– На тебе церковь Ильи Пророка. Топай! Остальных я сам распределяю.

– Пистолет получать? – уточнил я.

– С оружием в храм божий? – глумливо ухмыльнулся Малыш. – Сдурел? Сказано же: вести себя тихо и незаметно! А стрельба в церкви – это очень громко и очень заметно. Если что – пусть наряд отдувается.

Я вздохнул.

– И чего бы все церкви до воскресенья не закрыть, чтобы

страсти улечься успели?

– Вот и ты тоже не политик, – ответил мне ещё даже более тяжёлым вздохом Александр Малыш. – Предлагали мы это. Предлагали! Думаешь, дурнее паровоза? Так нет же: политика! Если дадим повод заговорить о репрессиях в отношении верующих, такая буча поднимется, что всем чертям тошно станет. Мы теперь на цыпочках ходить должны. Усёк? На цыпочках! И значок институтский сними, лишнее это.

Ну и снял, конечно. А куда деваться? Приказ есть приказ.

В сквере у главного корпуса я остановил лотошника и купил у него разных пирожков, сжевал их один за другим на ходу. Ещё в кафешку через дорогу забежал, попросил стакан чая. Правда, рассиживаться там не стал, утолил жажду прямо у буфета и поспешил дальше. Пусть даже ничего во время моего отсутствия в церкви и не случится, но меру тоже надо знать.

Насчёт наряда Малыш не обманул: комендантский вездеход стоял метрах в тридцати от церковных ворот, там же топтались несколько бойцов. Они демонстративно игнорировали желавших посетить вечернюю службу прихожан, но вот компанию студентов перехватили ещё на подходе к храму. Молодых людей отвели к автомобилю, о чём-то расспросили, после чего отправили восвояси, несмотря на отчаянные протесты черноволосой девицы.

Я миновал побиравшихся у калитки нищих, глянул на зо-

лочёные купола с крестами и дабы совсем уж не выделяться на фоне остальных, перекрестился. Потом немного поколебался и всё же подошёл к церковной лавке, а только купил полдюжины свечей, зацепился взглядом за очень уж плечистого дворника. Машинально напрягся, но сразу узнал где-то раздобывшего фартук, картуз и метлу Матвея Пахоту и ухмыльнулся.

Выходит, мне ещё не самое плохое задание досталось. Выходит, ещё повезло.

Сняв кепку, я сунул её в карман пиджака, прошёл в церковь и перекрестился, потом оглядел просторное помещение с высоченными потолками, развешанными по стенам иконами, красными огоньками лампад и напитывавшими воздух сладковатым дымом свечами.

– Ну наконец-то! – зло прошипел едва не зацепивший меня плечом Максим Бондарь и поспешил на выход.

Я его замечание проигнорировал и справился у тушившей прогоревшие огарки старушки, где ставят свечи за упокой. Меня отправили в правое крыло, туда и пошёл. Запалил фитиль, чуть погрел низ свечи над огоньком соседней, воткнул размякший воск в держатель, отступил на шаг назад, перекрестился. Постоял немного и отправился дальше.

Постепенно я избавился от всех свечей, запрокинул голову и полюбовался росписью потолка с белоснежными ангелами и всем таким прочим. От амвона доносился сильный голос проповедника, пахло ладаном. Будто в детство вернулся.

Но – нет, нет, нет. Отогнал воспоминания, заставил себя собраться.

Я сюда работать пришёл. Мало ли какой провокатор внутрь просочится? Бдительность терять нельзя.

Увы, фланировать туда-сюда не было решительно никакой возможности, а когда я взялся изменять настройки заземления, дабы выявить находившихся в церкви операторов, то обнаружил, что таковыми является едва ли не половина посетивших службу прихожан.

С учётом расположения храма Ильи Пророка ничего удивительного в этом не было, другой вопрос – что на самом деле их сюда привело и не найдётся ли среди агнцев несколько паршивых овец.

Или как там в оригинале? Козлиц? Вот-вот.

Я не без труда подавил тяжёлый вздох и постарался погрузить сознание в поверхностный транс, что, как ни странно, оказалось проделать едва ли не проще, нежели на занятиях сверхйогой. И ни доносившиеся с хоров песнопения не мешали, ни молитвы. Понемногу я расширил границы восприятия, охватив ясновидением изрядную часть церкви, начал отслеживать перемещения выявленных операторов. Так всю службу и отработал. Происшествий не случилось, раз только счёл нужным пристроиться к парочке студентов. Уж даже не знаю, были они из верующих или в церковь их привело банальное любопытство, но слишком пристальное внимание с моей стороны заставило молодых людей смутиться и по-

спешно ретироваться.

А потом начали расходиться и прихожане, и это обстоятельство стало бы серьёзной проблемой, не загляни внутрь Митя Жёлудь. Он кивком указал на выход, да и сам задерживаться в церкви не стал, размашисто перекрестился и выскользнул обратно на улицу. Я последовал за сослуживцем и спросил:

– Ну?

– Меня на вход поставили, – заявил в ответ Митя. – Ты, давай, по двору круги нарежь. Матвея на ворота забрали, тут из наших больше никого.

Я вытянул из кармана кепку и надел её, после достал за цепочку карманные часы. Отщёлкнул крышку, взглянул на циферблат и спросил:

– Долго нам тут ещё куковать, не сказали?

Митя скривился.

– А сам как думаешь?

– Никак не думаю, – буркнул я и двинулся прочь, но в одиночестве оставался недолго.

Фактически – нисколько не оставался. Шагов на пять отошёл только, как меня окликнули:

– Пётр, дорогой! Какая встреча!

Я повернулся и через силу улыбнулся.

– Здравствуйте, Альберт Павлович!

Мой институтский куратор повернулся к священнику, с которым беседовал до того, и заявил:

– Отец Сергей, а этот молодой человек – наглядный пример того, как война меняет людей. Уверен, прежде ему и в голову бы не пришло заглянуть в храм божий!

Я немного даже смутился.

– Чего это не пришло бы? И раньше ходил...

Мягкое округлое лицо куратора расплылось в довольной улыбке.

– Раньше – это с бабушкой?

– Ну-ну, Альберт, не наседай так на отрока! – вступился за меня священник и вдруг спросил: – Не бывает атеистов в окопах под огнём?

Я молча кивнул. Именно так. И молитва там у всех проще некуда: «Только не меня! Господи боже мой, только бы не меня!» Я прекрасно помнил её. И помнил, как стоял в строю военнопленных. Я ничего не забыл. И не забуду. Никогда!

– Отче, а давай я всё же тебя подвезу! – резко сменил Альберт Павлович тему разговора. – Право слово, это не сложно.

– Брось меня опекать, Альберт! – потребовал священник. – Не смей! Всё в руках божьих!

Глаза моего куратора чуть сузились, а лицо стало самую малость жёстче, но никак больше раздражения он не выказал и развёл руками.

– Как скажешь! И хоть не в моих принципах приставать с просьбами личного характера, но будь добр, побеседуй с сим отроком. Его душевное здоровье внушает мне серьёзные опасения, а сам он слишком горд, чтобы согласиться

на беседу с психологом. К тому же вам по пути.

– В самом деле по пути? – улыбнулся отец Сергей, огладив бороду, короткую и аккуратно подстриженную. – Отрок, сознавайся, ты где проживаешь? В студгородке, небось?

Моё дежурство было в самом разгаре, но поручение Альберта Павловича обладало в моей табели о рангах куда более высоким приоритетом, и я не стал ломать ему игру, сказал:

– Живу я в городе, на пару с товарищем квартиру снимаю. Но даже если нам не по пути, лучше крюк сделаю, чем Альберт Павлович к психологу направление выпишет. С него станется.

– Выпишу-выпишу, – с улыбкой пообещал куратор. – От студентов с расшатанными нервами одни сплошные неприятности и падение показателей успеваемости.

– Идём, отрок, – усмехнулся в бороду священник. – Попробую избавить тебя от визита к мозгоправу.

Мы двинулись к воротам, и уже за калиткой Альберт Павлович вдруг спросил:

– Так ты придёшь? Что мне Михаилу передать? Он сильно...

Отец Сергей выставил перед собой руку.

– Ноги моей в вашем вертепе не будет! – заявил он. – Так всем и передай! Мои отношения с Горицветом – это мои отношения! Нечего сюда политику приплетать!

Альберт Павлович досадливо махнул рукой и направился к припаркованному чуть поодаль автомобилю, а мы с от-

цом Сергием зашагали прочь от трамвайного кольца, и скажу честно – мне как-то разом стало не по себе. Очень-очень не по себе. Идём – и все взглядами провожают, все пялятся. И по-доброму мало кто смотрит, всё больше злость и раздражение в глазах читаются. Да оно и немудрено: пусть церковь крестовый поход против операторов покуда и не провозгласила, но запрет проходить инициацию – это как спичка, поднесённая к запальному отверстию. Вот-вот жажнет. И как водится, в самый неожиданный момент. Возможно даже прямо здесь и сейчас.

Вот же Альберт Павлович молодец! Втравил в неприятности!

И чего ради, спрашивается, а?

На теорию контрдиверсионных мероприятий в моём расписании приходилась лишь одна пара в неделю, а организацию личной охраны я изучал лишь в контексте ликвидации чужих подопечных, вот и ощутил себя откровенно не своей тарелке. Шагал рядом с отцом Сергием, кидая настороженные взгляды по сторонам, и боролся с искушением загодя набрать потенциал.

Нельзя, нельзя, нельзя!

Если отвлекусь и хоть на миг утрачу самоконтроль, активное излучение Эпицентра такие деструктивные колебания породит, что замучаюсь потом от девиаций избавляться. Лучше уж не рисковать лишний раз, тем более что царивший в душе раздрай не помешал приметить неспешно пока-

тивший за нами легковой автомобиль неброской серой расцветки.

Отец Сергей перехватил мой взгляд и усмехнулся:

– И никак-то от этих иродов не избавиться! Будто помимо небесного ангела-хранителя в земных надобность имеется!

Мне бы после этого замечания успокоиться, а я пуще прежнего разволновался. Что в Новинске горячих голов хватает – это и до того прекрасно осознавал, но раз уж оперов отправили пасти священника, угроза точно была сочтена реальной. Да и Альберт Павлович не из тех, кто на пустом месте панику разводит. Нехорошо это, совсем-совсем плохо.

И дальше я уж сомневаться не стал, обратился к сверхсиле. Втянул сущие крохи энергии – не более сотни килоджоулей и не позволил им разойтись по организму, вместо этого до предела сконцентрировал в районе солнечного сплетения, ещё и дополнительно экранировал от внешнего фона. Пришлось поднапрячься, зато вновь уверенность в собственных силах ощутил, успокоился.

Впрочем, шли и шли. Никто не кидался на отца Сергея с кулаками, никто даже слова ему худого не сказал. Недобрыми взглядами всё и ограничивалось.

Площадь давно осталась позади, шагали мы теперь по тихим узеньким улочкам, шагали и беседы беседовали. Отец Сергей преимущественно затрагивал отстранённые темы, не давил, ни в чём не убеждал и не проповедовал. Хорошо

пообщались, душевно. Вроде бы и ни о чём серьёзном не говорили, а на душе легче стало. Словно недобрая маета отступила, о которой и не подозревал до того вовсе, а квартала через три подумалось, что к такому священнику можно даже на исповедь прийти.

Вот это чувство внезапной симпатии и заставило насторожиться. Враз пробила испарина, начал вспоминать, не сболтнул ли чего лишнего. Но нет – не сболтнул. Опять же я почти абсолют, ментально продавить меня вот так на ходу, без предварительной медикаментозной обработки не выйдет.

Поддерживать беседу и продолжать контролировать обстановку с учётом возникших подозрений стало несравненно сложнее, впрочем – и не пришлось. Мы миновали очередной квартал дореволюционной застройки и вышли к частному сектору, только здесь в отличие от посёлка у энергетического училища за высокими дощатыми оградами прятались куда как более основательные и солидные особняки. Автомобиль с оперативниками, не став следовать за нами, остановился на углу, а когда отец Сергей свернул к воротам добротного бревенчатого дома с мансардой, я и сам решил откланяться, но не тут-то было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.